

Гредасова Ксения Андреевна, студентка. Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва, Миусская площадь, б. 125993. gredasova.ka@gmail.com ORCID ID: 0000-0003-3057-7460

Gredasova Ksenia Andreevna, student. Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., 125993 Moscow, Russian Federation. gredasova.ka@gmail.com ORCID ID: 0000-0003-3057-7460

«ДОРОГОЙ ИЛЬЯ...» ПИСЬМА МАРЕВНЫ И. Г. ЭРЕНБУРГУ 1946–1962 ГОДОВ

"DEAR ILYA..." MAREVNA'S LETTERS TO I. G. EHRENBURG 1946–1962

Аннотация. В настоящем исследовании рассматриваются письма Маревны конца 1940-х — 1960-х гг. ее другу — писателю Илье Григорьевичу Эренбургу и тесно связанная с ними корреспонденция. Целью исследования является переосмысление творчества художницы с учетом вновь открывшихся фактов благодаря получению доступа к ее эпистолярному наследию. Публикация писем Маревны И. Г. Эренбургу и сопутствующей им корреспонденции кажется особенно актуальной в связи с интересом исследователей к Парижской школе, к которой причисляют и Маревну, а также с все более активным изучением творчества художников-эмигрантов из Российской империи. В Приложении приводится расшифровка корреспонденции, снабженная необходимыми комментариями, с сохранением авторской пунктуации и синтаксиса. Написанные на английском и французском письма представлены в переводе. Сквозной темой исследования и писем является публикация Маревной ее первых мемуаров «Жизнь в двух мирах», сопутствующие этому трудности и ее просьбы к И. Г. Эренбургу. В частности, художница просила друга организовать ей поездку и выставку в СССР. Отношение Маревны и ее дочери Марики Риверы к Советской России является еще одним важным аспектом исследования. Уехавшая в 1911 г. сначала в Италию, а затем в 1912 г. во Францию, Маревна, несмотря на расстояние, ощущала потребность в сохранении связей с русской культурой. Расположение и интерес к Советской России обнаруживают и письма Марики Риверы. Благодаря начавшим публиковаться в 1960 г. мемуарам И. Г. Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь» Маревна воссоединилась с сестрой и отправилась повидать ее в Россию, что стало очень важным событием в жизни художницы.

Ключевые слова: Маревна; Илья Эренбург; Парижская школа; Монпарнас; женщины-художницы; русское искусство в эмиграции; художники в эмиграции.

Abstract. The author examined the letters of Marevna from the late 1940s to the 1960s to her friend writer Ilya Grigoryevich Ehrenburg and the correspondence that is closely linked to the mentioned letters. The study aims to rethink Marevna's art based on the facts discovered by gaining access to her epistolary heritage. The publication of the above-mentioned documents seems to be particularly relevant due to the interest of researchers in the School of Paris (Marevna was part of the community) and in the art of the émigré artists from the Russian Empire. The appendix to the article includes the transcript of the letters with the necessary comments (original punctuation and syntax preserved). The letters written in English and French are translated. The cross-cutting theme of the study and the letters was Marevna's publication of her first memoirs «Life in two worlds», all the accompanying difficulties and the artist's requests to I. G. Ehrenburg. In particular, Marevna asked her friend to organize her exhibition and journey to USSR. Marevna's and her daughter Marika Rivera's attitude towards Soviet Russia was another important point of this study. Marevna left for Italy in 1911 and then moved to France in 1912, but despite the distance, she felt the need in maintaining the relationship with Russian culture. Marika Rivera's letters reveal her interest in Soviet Russia and her sympathy for it. Thanks to the memoirs of I. G. Ehrenburg, which were published in 1960, Marevna reunited with her sister and went to Russia to see her. This was a very important event in the artist's life.

Keywords: Marevna; Ilya Ehrenburg; the School of Paris; Montparnasse; female artists; Russian art in emigration; artists in emigration.

Настоящее исследование посвящено письмам художницы Марии Воробьевой (Стебельской) (1892–1984), творческий псевдоним Маревна, конца 1940-х — 1960-х гг. ее другу — писателю Илье Григорьевичу Эренбургу (1891–1967) и тесно связанной с ними корреспонденции¹. Целью исследования является переосмысление творчества Маревны с учетом вновь открывшихся фактов благодаря получению доступа к эпистолярному наследию художницы.

Для начала хотелось бы обрисовать краткую биографию Маревны. Будущая художница родилась 14 февраля 1892 г. в Казанской губернии близ Чебоксар. В детстве она жила с отцом² в Тифлисе, где посещала школу изящных искусств. В 1910 г. Мария Брониславовна переехала в Москву, чтобы учиться в Строгановском училище, но уже в 1911 г. оказалась в Италии. Маревна посетила Рим, затем поехала на Капри, где познакомилась с Максимом Горьким, который и придумал ей этот сказочный псевдоним [3, с. 21]. Наконец, в 1912 г. Маревна приехала в Париж, где подружилась с многими монпарнасцами (А. Модильяни, Х. Сутиним, П. Пикассо,

М. Шагалом, этот список можно продолжать долго), в частности, с И. Г. Эренбургом. В 1915 г. Маревна познакомилась с Диего Риверой, а в 1919 г. родилась их дочь Марика. В 1921 г. отношения художников закончились, Ривера уехал в Мексику, Маревне пришлось растить дочь одной. В 1948–1949³ г. она переехала в Великобританию, где продолжала заниматься живописью и прожила до конца своих дней.

Необходимо отметить, что период в жизни Маревны, в который написаны исследуемые письма (с конца 1940-х по 1960-е гг.), мало изучен. Если о ее жизни до эмиграции и затем во Франции можно узнать из ряда источников: из ее автобиографических книг («Жизнь в двух мирах» 1962 г.⁴, не переведена на русский язык, «Моя жизнь с художниками "Улья"» 1974 г., переведена на русский язык в 2004 г.), из опубликованных мемуаров и писем И. Г. Эренбурга [7; 8], М. А. Волошина [1; 2], М. С. Цетлиной [1; 2], Б. В. Савинкова [4] (в отношении Цетлиной и Савинкова — только письма) — то об английском периоде информации гораздо меньше: это небольшой эпилог в книге «Моя жизнь с художниками "Улья"»⁵ и краткое упо-

Илл. 1. Маревна. Другьям с Монпарнаса посвящается. Д. Ривера, Маревна с дочерью Марикой, И. Эренбург, Х. Сутин, А. Модильяни, Ж. Эбютерн, М. Жакоб, М. Кислинг, Л. Зборовский. 1962. Оргалит, масло. 160x305 см. Частное собрание. URL: <https://web.archive.org/web/20120301165137/http://www.anyateixeira.co.uk/page21/files/page21-1085-full.html>

минание И. Г. Эренбурга о встрече с художницей в 1962 г. [7, с. 200]. Нельзя однако не отметить, что перечень выставок Маревны как во французский, так и в английский период хорошо задокументирован [5, с. 37]. Тем не менее об условиях жизни и творчества художницы, о ее мыслях и переживаниях в этот период известно крайне мало (при том что именно в Англии Маревна написала свое самое знаменитое произведение — триптих «Другьям с Монпарнаса посвящается»⁶, воспевавший ее парижский круг общения).

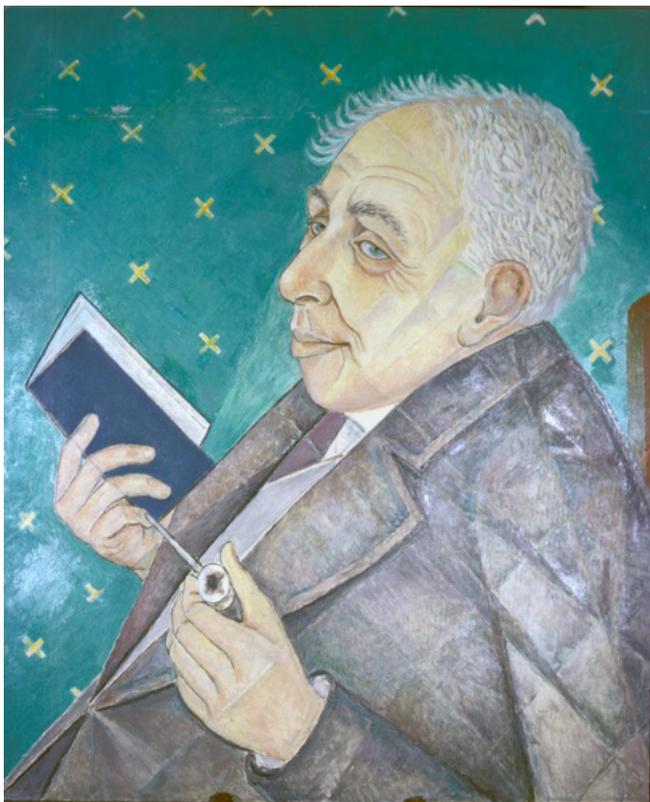
Публикация писем Маревны И. Г. Эренбургу и сопутствующей им корреспонденции кажется особенно актуальной в связи с интересом исследователей к Парижской школе (термином определяются как работавшие в Париже первой четверти XX в. художники-иностранцы, так и некоторые коренные французы), к которой причисляют и Маревну, а также все более активным изучением творчества художников-эмигрантов из Российской империи. Научный интерес к указанной теме подтверждается прошедшими выставками: «Русский Париж 1910–1910 гг.» в Государственном Русском музее в 2003 г., «Парижская школа 1905–1932. Из музейных собраний Франции, Швейцарии и России» в Государственном музее образительных искусств им. А. С. Пушкина в 2004 г., «Музы Монпарнаса» в 2021 г. там же; персональной выставкой Маревны в Государственной Третьяковской галерее в 2004 г. и изданием монографий, в частности, А. В. Толстого «Художники русской эмиграции» в 2012 г., А. Д. Эпштейна «Забывтые герои Монпарнаса. Художественный мир русско-еврейского Парижа, его спасители и хранители» в 2017 г., М. Ю. Германа «Парижская школа» в 2019 г., а также мемуаров Маревны на русском языке «Моя жизнь с художниками “Улья”» в 2004 г.

Все рассмотренные в настоящем исследовании письма изучались по микрофильмам, хранящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде И. Г. Эренбурга (Ф. 1204). Разделим их на три группы, исходя из единиц хранения, к которым они причислены РГАЛИ.

1) В Оп. 2. Ед. хр. 1393 под заголовком «Письма и телеграмма Воробьевой Марии (Маревны). Приложены рисунки М. Воробьевой, письма её дочери и М. Козна И. Г. Эренбургу

Илл. 2. Маревна. Обложка книги И. Г. Эренбурга «Стихи о канунах», 1916. Аукционный дом Империя. URL: <http://www.auction-imperia.ru/wdate.php?t=booklot&i=2466>

Илл. 3. Портрет Ильи Эренбурга. 1966. Доска, масло. 92 x 76 см. Частное собрание. URL: <https://web.archive.org/web/20160305033642/http://www.anyateixeira.co.uk/page21/files/page21-1084-full.html>

об издании воспоминаний М. Воробьевой», согласно указанию архива, содержатся 12 писем и одна телеграмма. Крайние даты документов: 4 сентября 1948 г. — 24 мая 1962 г. РГАЛИ указывает, что рисунки находятся на листах 21, 29 и 30.

В указанной единице хранения находятся:

- 12 писем Маревны И. Г. Эренбургу⁷;
- одна телеграмма Маревны и Марики Риверы И. Г. Эренбургу от 5 сентября 1948 г.;
- одно письмо издателя Маревны М. Козна И. Г. Эренбургу от 11 августа 1961 г.;
- два не датированных письма Марики Риверы И. Г. Эренбургу (однако год их написания удастся определить из их содержания, а также из содержания писем Маревны);
- открытка-поздравление с новым 1964 годом (лист 21 микрофильма). В центре Маревна нарисовала число «1964», вокруг него — елки. По периметру листа — две рамки: из яблочка (внутренняя рамка) и из изогнутых линий, напоминающих букву е (внешняя рамка). На оборотной стороне Маревна написала:

«Happy New year! Marevna and Марика

С Новым Годом дорогой Илья и Люба будьте здоровы и не забывайте Маревну и Марику»;

- две фотографии⁸ (листы 29 и 30) — копии с работ Маревны: группового портрета — части триптиха «Друзьям с Монпарнаса посвящается», на которой изображены Д. Ривера, И. Эренбург, П. Пикассо, М. Шагал, Ф. Леже 1960 г.⁹ и автопортрета Маревны, также 1960 г. Важно отметить, что он не встречается в каталогах персональных выставок Маревны (в Государственной Третьяковской галерее, Пти-Пале (Женева), Доме-музее Бурделя (Париж), и его судьба неизвестна.

Хотелось бы добавить, что еще один рисунок входит в состав письма Маревны (листы 8 и 9 микрофильма [6]).

Также в указанных фонде и описи хранятся:

2) В Оп. 2. Ед. хр. 525 хранится письмо И. Г. Эренбурга Маревне.

3) В Оп. 2 Ед. хр. 3826 хранится письмо Маревны Л. М. Козинцевой с соболезнованиями о смерти И. Г. Эренбурга.

Три письма Маревны (два — И. Г. Эренбургу (от 5 февраля 1950 г. [12, с. 254–255] и от 16 апреля 1960 г. [12, с. 393–395] и одно, с соболезнованиями, его супруге Л. М. Козинцевой-Эренбург [12, с. 652–653]) были опубликованы Б. Я. Фрезинским в издании, посвященном корреспонденции И. Г. Эренбурга (но с изменением орфографии и синтаксиса Маревны). Однако остальные письма из архива не были введены в научный оборот. Кроме того, все вышеуказанные письма не были рассмотрены и проанализированы в совокупности.

В Приложении находится расшифровка указанных документов. Письма расположены от ранних к поздним. В отношении недатированных писем их датировка уточнялась с помощью установления их связи по содержанию с датированными письмами. Это позволило найти им положение на временной шкале. Публикуемые письма снабжены необходимыми комментариями, а ссылки на них приводятся с указанием номера письма в приложении в квадратных скобках.

Хотелось бы также отдельно оговорить, что письма Маревны написаны от руки. К сожалению, не все слова удалось разобрать, а прочтение некоторых оказалось неоднозначным. В таких случаях в данном исследовании либо указывается «слв нрзбрчв» (слово неразборчиво и указание количества) в квадратных скобках, либо будет предложена расшифровка всего слова или его части (также в квадратных скобках). Кроме того, в некоторых местах Маревна подчеркивала те или иные слова или предложения. Представляется правильным и в расшифровках писем подобным образом выделять такие места.

Особо необходимо отметить, что в настоящем исследовании письма Маревны приводятся с сохранением авторских орфографии и синтаксиса, которые у художницы были специфичными. Дело в том, что ей было свойственно смешивать при письме кириллицу и латиницу. Так, художница могла в одном слове писать одни буквы латиницей, другие кириллицей (например, в фамилиях — Zadкин [5], Рикассо [7]). Кроме того, она включала в письмо, написанное на русском, слова или даже предложения на французском. Например, «Одно сможет спасти мою книгу, это Introduction¹⁰ для нее — твое Илья...» [5] или «J'ai grande Esperance — que par un bon miracle que par tu m'arange[s] une exposition — a Moscou» в начале письма [4]. Также художница допускала орфографические ошибки в написании как русских, так и французских слов (французским Маревна так и не овладела в совершенстве). Данные ошибки также намеренно не исправлялись в приведенных цитатах из писем.

Редактирование текстов Маревны в соответствии с орфографическими и пунктуационными нормами создало бы более идеализированный, но в то же время менее правдивый образ художницы. Специфическое смешение латиницы и кириллицы, орфографические ошибки могут быть непривычны для читателя. Однако позволим предположить, что именно эти «недостатки» показывают нам настоящую Маревну, без прикрас. И несмотря на них описания, данные художницей в письмах, живые и весьма поэтичные (взять хотя бы рассказ про ночное гадание [Письмо 6]).

Интересно, что приведенные в настоящем исследовании и переведенные с французского на русский письма Марики Риверы также обладают схожими особенностями. Судя по ним, Марика очень хорошо говорила по-французски (что неудивительно, так как детство и юность она провела во Франции). Однако с грамматикой языка на письме (например, при использовании времен) она обращалась весьма вольно, также путала написание тех или иных слов, местами опускала диакритические знаки, что тем не менее не препятствовало использованию ею сложных и красивых слов и оборотов.

Дружеские отношения Маревны с Ильей Григорьевичем Эренбургом сохранились на всю жизнь. Для художницы

Маревна также познакомила с Эренбургом дочь. Едва ли преувеличением будет сказать, что Марика боготворила Эренбурга, хотя, исходя из мемуаров Маревны, видела его всего раз. Свидетельство того — ее письма: «Илья, ты мне дал больше чем когда-нибудь кто-нибудь другой» [Письмо 11], «Как я тобой восхищаюсь и как я тебя люблю» [Письмо 16]. Если Маревна даже после стольких лет разлуки продолжала считать Эренбурга своим близким другом, то Марика, возможно, испытывала к нему чувства, схожие с любовью к отцу (на что указывает и Маревна: «...она (Марика. — К. Г.) сказала с умилением: ...я бы хотела иметь его своим отцом!» [5]). Особенно благодарна Марика была Эренбургу за то, что он в своих воспоминаниях написал, что она — дочь Диэго Риверы (именно за это она благодарит его в цитате выше). Дело в том, что Марика сталкивалась со сторонними сомнениями по этому поводу. Мы понимаем это из строк Маревны: «Жена Диэго и его дочь¹² которые приезжали сюда — не хотят допустить, что Марика тоже доч[ь] Диэго» [Письмо 7]. Отсюда слова Марики: «...дикое чувство быть признанной, потому что ты... меня представил как дочь Маревны и Диэго» [Письмо 11].

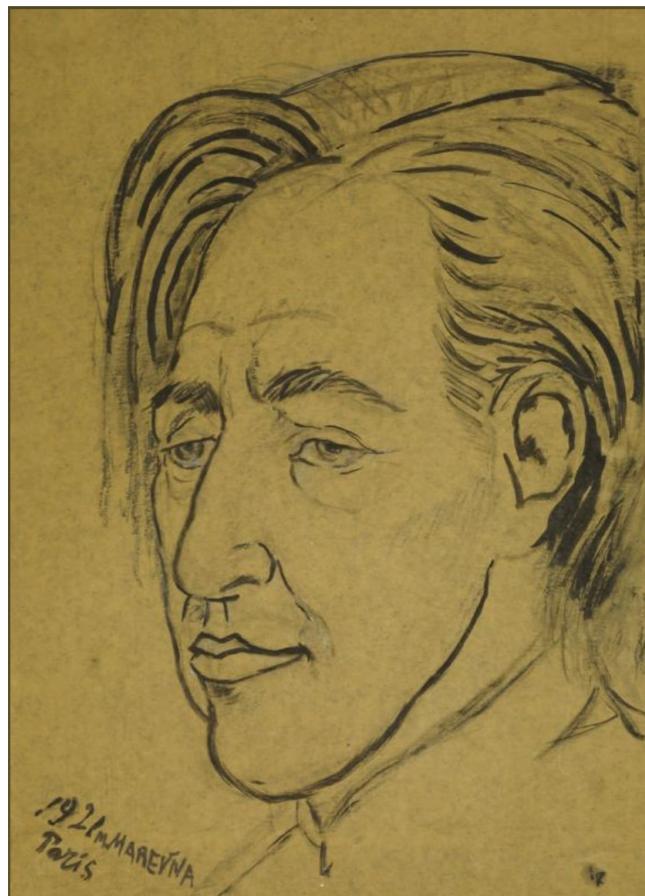
Вернемся к Маревне. Ощущение, что Эренбург — близкий ей человек, становилось причиной многочисленных (возможно, даже несколько навязчивых) просьб художницы к писателю (написать предисловие к книге [Письмо 5], прислать рисунок для ее иллюстрации [Письмо 10], организовать художнице выставки в России [Письмо 4], пригласить ее или дочь в страну [Письма 4, 5, 14], встретиться с сестрой Маревны [Письмо 17]), а также обвинений, выдвигаемых ему (в том, что именно Эренбург толкнул ее в объятия Риверы [Письмо 7], в том, что выход его мемуаров угрожает успеху ее автобиогра-

Илл. 4. Маревна. Без названия (Портрет Ильи Эренбурга). Н. д. Бумага, карандаш. 20 × 14 см. Частное собрание. URL: <https://auctions.roseberys.co.uk/m/lot-details/index/catalog/368/lot/119105>

Эренбург — один из тех людей, которые регулярно оказывались рядом в непростых жизненных ситуациях, старались оказать помощь и эмоциональную поддержку. Приведем несколько примеров. В 1914 г. скоропостижно скончался отец Маревны, Б. В. Стебельский. Это событие стало серьезным ударом для художницы, сказавшемся в том числе на ее финансовом положении. Судя по письмам И. Г. Эренбурга М. А. Волошину и Б. В. Савинкову, а также мемуарам Маревны, это был самый сложный период ее жизни [3, с. 55–56, 59]. Однако Эренбург старался помогать подруге (хотя в письмах и жаловался на ее характер и поведение [8, с. 62–65, 68, 70, 72]). В 1915 г. он планировал отправить ее в Россию, однако отъезд художницы не состоялся [8, с. 74]. В 1916 г. Эренбург и его первая жена Е. О. Шмидт пригласили Маревну погостить у них в Эз-сюр-Мер [22, р. 175–178], что очень благотворно на нее повлияло. Вернувшись в Париж, она стала все больше общаться с художником Диэго Риверой и вступила с ним в романтические отношения.

В 1917 г. Эренбург вернулся в Россию, но в 1921 г. вновь оказался во Франции, уже как советский гражданин [8, с. 12]. Друзья продолжили общение. Так, Маревна вспоминала, что Илья Григорьевич и его вторая супруга, Любовь Михайловна, навещали их с Марикой в Шатийоне [22, р. 265]. Затем, перебравшись вновь в Париж, Маревна одно время была соседкой Эренбурга на Рю-дю-Мен [22, р. 296; 8, с. 398]. К сожалению, в дальнейшем об общении друзей ничего неизвестно, установить, когда Маревна и Эренбург виделись в последний раз перед их знаковой встречей в Лондоне в 1960 г., возможности нет. По подсчетам Маревны, эта встреча была первой после тридцатипяти- или тридцатишестилетней разлуки [22, р. 135], в последствии друзья встречались еще два раза¹¹.

Илл. 5. Маревна. Без названия (Портрет Ильи Эренбурга). 1921, Париж. Бумага, черная тушь, карандаш, уголь. 40 × 29 см. URL: <https://auctions.roseberys.co.uk/m/lot-details/index/catalog/368/lot/119106>

фии, правда, Маревна добавила: «...виноват — хотя конечно не зная ничего» [Письмо 10].

Нельзя не обратить внимание на то, что Маревна написала Эренбургу 12 писем, а Эренбург ей — одно и очень краткое (в РГАЛИ хранятся многочисленные машинописные копии писем И. Г.¹³, письмо Маревне — такая копия). Однако из начальных строк как минимум двух писем Марии Григорьевича «Ротонда». Маревна хотела получить его для иллюстрирования своих мемуаров. Известно, что друзья обсуждали это по телефону. Однако после этого разговора случилось недопонимание: Маревна ждала рисунка [Письмо 10, первые строки], а Эренбург ответил: «Дорогая Маревна, видимо при нашем разговоре по телефону произошло недоразумение. У меня не сохранились мои рисунки, изображающие “Ротонду” и даже нет ни одной фотографии» [Письмо 12]. Однако писатель прислал подруге свою фотографию [Письма 12, 13], которая была использована для иллюстрации ее книги [22, р. 182].

Эренбург (по причинам, которые из содержания писем, увы, выяснить не удастся) помог не со всем, о чем просила Маревна. Загадочна история с рисунком Ильи Григорьевича «Ротонда». Маревна хотела получить его для иллюстрирования своих мемуаров. Известно, что друзья обсуждали это по телефону. Однако после этого разговора случилось недопонимание: Маревна ждала рисунка [Письмо 10, первые строки], а Эренбург ответил: «Дорогая Маревна, видимо при нашем разговоре по телефону произошло недоразумение. У меня не сохранились мои рисунки, изображающие “Ротонду” и даже нет ни одной фотографии» [Письмо 12]. Однако писатель прислал подруге свою фотографию [Письма 12, 13], которая была использована для иллюстрации ее книги [22, р. 182].

Также неизвестно, предпринимал ли Эренбург какие-либо действия для приезда Маревны в СССР и организации ее выставки¹⁴. Маревна же очень хотела вновь оказаться в России и до последнего надеялась на помощь друга [Письмо 17]. Она мечтала увидеть Кавказ, который так полюбила в детстве [Письма 4, 5]. Связь с русской культурой Маревна активно поддерживала через мероприятия Пушкинского дома¹⁵ [Письма 4, 5, 15]. Художница считала, что и ее дочь должна посетить Советскую Россию [Письма 5, 14]. В свою очередь Марика буквально воспевала СССР во втором письме Эренбургу: «...несчастье, что я должна была родиться не в Париже под звуки барабанов и фанфар перемирия, но в твоей стране, твоей великой прекрасной стране», «Ты и твоя страна — это все, что мне осталось» [Письмо 14]. Марика хотела посетить Россию: «Надеюсь найти средства оплатить путешествие в Москву» [Там же]. Ей вторила мать. Маревна верила, что путешествие в СССР буквально спасло бы Марику, там она «помолодеет душой и телом» [Письмо 7]. Для Маревны была важна не только поездка, но и выставка, то есть самопрезентация в СССР («Я послала несколько снимков [фотографических], с картин — моей сестре, а она показала вокруг себя — и говорит что это очень инт[ересно]. людям и им даже нравится» [Письмо 10]).

Создается впечатление, что Россию Маревна и Марика видели как сказочную страну, где все идеально. Эта вера в то, что есть такое волшебное место на земле, могла быть защитной психологической реакцией на те серьезные жизненные трудности, с которыми сталкивались мать и дочь в Англии. И эта проекция, вероятно, представляет собой синтез из понимания и ощущения ими послевоенного авторитета СССР, а также из ностальгии Маревны, выросшей из воспоминаний о любимых местах детства.

Предисловие к «Жизни в двух мирах» написал Осип Цадкин (так же фронтиспис книги — его рисунок). Почему этого не сделал Эренбург, хотя Маревна очень его об этом просила, — из имеющихся данных установить не представляется возможным. Маревна понимала, что от выхода и успеха ее мемуаров зависело очень многое. Если с 1949 г. она жила с семьей Марики в роскошном Ателхемптон-хаусе в Дорчестере (тогда Марика была замужем за издателем Родни Филиппсом) [3, с. 257; 20] и, вероятнее всего, в этот период не испытывала материальных трудностей, то после развода дочери Маревна, Марика и два ее сына переехали в Лондон [Письмо 4], где их жизнь была отнюдь не проста («Нам с Марикой очень трудно — очень — и материально и морально», «Иногда кажется — что теряю последние силы на борьбу с жизнь[ю] а хочется так еще поработать» [Письмо 10]).

Итак, в первую очередь для Маревны в издании мемуаров была важна финансовая составляющая: «Издание книги дает мне возможность работать еще и быть самостоятельной те несколько лет, что мне осталось жить» [Письмо 5]. При этом художница чувствовала конкуренцию и опасность для своей книги. В частности, она узнала, что мемуары готовила М. И. Будберг, гражданская жена Максима Горького [Письмо 10]. После поездки в Париж ей также стало известно, что Анна Зборовская написала книгу «Модильяни и Зборовский» [Письмо 8]. Маревне вторила Марика: «...вдруг все начинают писать о Горьком, о Монпарнасе» [Письмо 11]. Более того, Маревна осознавала, что мемуары Эренбурга, влиятельнейшего писателя СССР, широко известного за рубежом, будут очень популярны и могут затмить ее воспоминания: «Твоя книга, Илья, знаменитого I. Ehrenbourga — заранее знаем, что она будет иметь успех и ты заработаешь. Все шансы на твоей стороне» [Письмо 5].

Судьба мемуаров Маревны действительно непроста: еще в 1950 г. она сообщила Эренбургу, что надеялась на скорый ее выход [Письмо 3]. Художница написала автобиографию по совету зятя-издателя, однако тот по ряду причин ее не выпустил [Письмо 5]. К счастью, Марике удалось найти нового издателя. Автобиография Маревны увидит свет только в 1962 г. Художница послала Эренбургу пробный вариант книги в надежде, что друг сможет помочь с их выходом в СССР. При этом в письме ему она достаточно самокритична: «Е[сли] она тебе — понравит[ся] — конечно — а я боюсь — что она тебе не понравит[ся]. Как-то написано уж очень просто — по детски. Хотя — здесь это нравит[ся]» [Письмо 13]. Художница не тешила себя надеждами, что мемуары понравятся Эренбургу: «...как ты смотришь на эту книгу — забраковал? — думаю» [Письмо 14].

Пожалуй, главная помощь была оказана Эренбургом Маревне случайно и непреднамеренно. Мемуары писателя «Люди. Годы. Жизнь», выхода которых так боялась Маревна, воссоединили ее с сестрой. Прочитав в 1961 г. отрывок из книги Эренбурга о Маревне и узнав ее фамилию, Нина (увы, отчество и фамилия нам неизвестны¹⁶) написала сестре в Англию [Письмо 8]. Интересно, что когда сама художница впервые ознакомилась с текстом Эренбурга о себе (еще не получив весточку от сестры), она расстроилась, что друг указал ее настоящую фамилию «Стебельская», которую, по всей видимости, она скрывала [Письмо 7]. Однако именно это обнаружение воссоединило ее с сестрой.

Тайна рождения Маревны так и не была ею раскрыта. Был ли Бронислав Стебельский ее родным или приемным отцом¹⁷? Почему она жила в семье отца? Но от сестры Маревна узнала о других родственниках: тете (по всей видимости, сестре матери Марии Воробьевой, в девичестве Розанович) и племяннице в Казани, семье скончавшегося дяди в Ленинграде. Маревна писала Эренбургу по этому поводу: «Интересно — знаешь Никогда у меня кроме Марики — никоно не было — и вот — подумай на старости лет оказалась — семья» [Письмо 13].

Летом 1962 г. Маревна поехала в Ленинград повидать Нину. Она оказалась в России впервые с 1911 г. в возрасте 75 лет. В Ленинграде Маревна пробыла 12 дней, жила в Астории. Город ей очень понравился, особенно художницу поразило, как много сил было потрачено на его восстановление после войны. Маревна также побывала в Пушкине, который тоже очень ее впечатлил и напомнил Версаль [Письмо 14]. Мечта художницы повидать страну детства, хоть и частично (до Москвы и тем более до Кавказа Маревна не доехала — кончились виза и деньги [Письмо 18]), сбылась. В поездке ей не удалось навестить Илью Григорьевича и его семью.

Последнее письмо в приложении настоящего исследования написано Маревной вдове И. Г. Эренбурга, Л. М. Козинцевой-Эренбург 5 сентября 1967 г. Хотелось бы закончить данную вводную часть последними словами художницы из этого письма: «Я уверена что и после меня, Марика будет помнить Илью — и хранить о нем теплую память».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо 1

В первом письме Маревны И. Г. Эренбургу нет даты. Художница писала из Франции, из Канн, на бланке «Галереи Соединенных Штатов» (Galerie des Etats-Unis). Судя по возрасту внука, указанного Марией Брониславовной, письмо было написано в 1946 г.¹⁸

«Дорогой Илья, с удовольствием узнала, что ты сейчас в Париже. Как мне хотелось-бы тебя видеть и по душе поговорить о прошлом и о настоящем. Живу скромно и много работаю. Дочь моя Марика, красавица, чудная артистка. У нее уже сын 4 1/2 года, но разводится с мужем. Напиши мне сколько времени ты думаешь остаться в Париже, дабы я могла тебя повидать. А может быть ты приедешь сюда в Канн на Festival de Film? Марика имеет Recital¹⁹ в Nice — и здесь, на днях, а в Париже в Salle Pleyel в октябре. С дружеским приветом Мария Маревна

Письмо 2

4 сентября 1948 г.

Маревна и ее дочь Марика отправили И. Г. Эренбургу в Союз писателей телеграмму на французском языке из Мюроля, Пюи-де-Дом. Его содержание следующее:

«Дорогой Илья (1 слв непереводаемо, так как в его написании явно допущены ошибки. — К. Г.) любим и поздравляем».

С чем именно художница с дочерью поздравляли писателя, из содержания телеграммы не ясно, но можно предположить, что с запозданием с получением Сталинской премии I степени за роман «Буря», присужденной ему 1 апреля 1948 г.

Письмо 3

5 февраля 1950 г.

Маревна писала И. Эренбургу из Кань-сюр-мер, Франция²⁰:

«Дорогой Илья — давно собираюсь тебе написать о том, что у Марики родился мальчик — ему сейчас 7 месяцев и его назвали — Илия²¹, надеемся что его имя ему принесет счастья. Вспоминаем о тебе очень часто и жалею что не видала тебя в Париже. Я работаю и готовлю выставку в Париже — к весне²². Быть может ты сможешь приехать еще. Сделала голову Diego и Максима²³ из глины²⁴ и написала книгу²⁵. Надеюсь что в скором времени выйдет. Воспоминания детства и той эпохе когда мы все жили на Монтпарнасе. Марика и Rodney²⁶ тебе шлют свои привет а я тебя целую и Любовь²⁷ и Мышку²⁸ от всего сердца. Пиши несколько строк — Маревна».

В постскриптуме она пишет на французском: «[Louis] a Eze — [buvon a la Santé] que d[es] souvenir[s]²⁹».

Письмо 4

16 апреля 1960 г.

Маревна писала³⁰:

«J'ai grande Esperance — que par un bon miracle — tu m'arange[s] une exposition — a Moscou³¹. Мои дорогой Илья — только что встала — Прости что так опаздываю с ответом на твое письмо. Хворала опять. Весна чертовски холодная в этом году — простудила голову, ухо, зубы — только посмотрела в окно на сад а там все распустилось — все цветет, но пчолки снова запрятались — воробы стучатся в окно за хлебом — кошки не очень хотят идти в сад, Марика говорит! Досадно. Весна, это такой чудный праздник а тут — град пошел — дожди и от ветра у меня занавески летают в комнате. Завтра — Пасха! Я сижу с Иваном³² дома, Марика с Ильей поехала на два дня к морю, к знакомым. Она замучилась совсем с нами и с домом. Выдержала свой первый экзамен по др[аматическим]. курсам³³. Ставили Чехова — «Медведь» — и в газете написали — exelant³⁴. Я лежала в кровати — не пошла, но я сделала два больших портрета, для декорации — потому что, это школа — и по обстановке — почти зеро³⁵! Через полтора месяца окончательный экзамен — и по пению (1 слв нрзбрчв. — К. Г.), и главное по языку. К ней подходит — скорее — комедия чем драма. Но ты знаешь как артисты все упрямы. Но (возможно, пропущено «на». — К. Г.) сцене Марика удивительно жива и хороша! Два года работы ей много дали, все же. То что она тратит на школу — это то что должны мы были все есть! У меня нет материала для работы ни лекарств. Она тоже очень болела горлом — и хотя доктор ее скоро вылечил пинисилином — на на («на» повторено дважды. — К. Г.) хорошую еду — денег не хватало. Видишь! Вообще все могло быть много лучше — но... . еслибы я зарабатывала, ей было бы легче. Здесь артистам трудновато жить».

Спасибо за твое письмо — дорогой Илья, очень хорошо пишется на машинке все ясно и разборчиво. Мою рукопись нельзя послать теперь она еще в руках у переводчика. И я написала еще три («части» — зачеркнуто. — К. Г.) главы, добавные. Одну про Маха Якоба³⁶, очень трудную — вспоминаю как он однажды говорил про тебя Кислингу! Сти[хи] его и проза у меня кое какая — есть!

Ты забыл, милый, когда ты мне сказал — ну вот «Попроси[ли]»³⁷ — я и пишу!» Жаль что я не могу приехать в Москву — на (1 слв через дефис нрзб, подчеркнуто, возможно, первая часть слова — autobus (автобус), вторая — café (кафе). — К. Г.) — London — Москва — это не дорого — но я боюсь что не высижу такое путешествие и предпочла бы ехать поездом, поэтому я тебя и просила устроить мне это. Хочется повидать Москву — Киев — и Кавказ вот было б хорошо — еслибы ты смог поехать со мной! Чудно-чертовски было бы хорошо! А если нет — то может все же я смогла бы поехать на Кавказ с кем нибудь — и наделать там набросков — можно сделать очень интересные! О выставке — подумай дружиче! — и вообще — не забывай нас, — Марику — и меня. Если бы у меня была возможность я бы непременно повезла бы своих двух внуков в URSS³⁸, посмотреть на все. У них — страшно отсталые и чудовищные понятия у русском советском человеке! Они боятся говорить что у них бабушка русская. Вот обида, и глупость!

Большой успех имел поэт А. Г. Твардовскі³⁹ у нас в Пушкинском Клубе. Хорошо очень читал свои стихи. Недавно слушала Сержа Лифара⁴⁰ там же о Пушкине. Помнишь его? или ты его не знал? Очень постарел и похож на индейца или мексиканца. Когда Марике было 17 лет она безумно влюбилась в «Икара» — в «Давида» и вообще в творческий гений Лифара — и проливала реки слез!»

Письмо 5

В следующем письме из Илинга (авеню Блексли) Маревна писала:

«Дорогой Илья, очень была рада тебя встретить после стольких лет разлуки. Марика тебе шлет свой сердечный привет, с надеждой увидеть тебя где нибудь или здесь или у тебя в Москве. Я бы была очень рада еслибы она смогла повидать С[оветскую]. P[оссию]. Когда я ей дала твою записку — она сказала с милением: Il est jantille⁴¹ Ehrenbourg! я бы хотела иметь его своим отцом! Видишь два — три задушевных слова, и вот уже у тебя ярая поклонница. Это ужасная болезнь etre frustre d'un pere⁴²! Она его и

обожает и ненавидит, Диего, как и он нас когда был жив. Наша встреча была довольно коротка, Илья. Слушала тебя о собаках, о том о сем; слушала твой голос — голос прошлого — смотрела на твое лицо — и вместе с прежним Ильей — видела другого, которого я не знала. Я бы очень хотела знать — кто тебе заказал книгу⁴³ здесь ли — англичане или русские — или в Париже или в Мо[с]кве. Ты подумаешь elle est quolote⁴⁴ Маревна? Милый Илья, я написала мою книгу, вот уже несколько лет. по настоящю R. Ф. мужа Марики. Один едитор⁴⁵ в Париже хотел ее издать, потому что нашел ее интересной. К нещастью он попросил очень дорого для издания и R. Ф. решил что книга сможет еще подождать — и дал денег для издания “Скульптуры Picasso⁴⁶” но потерпел убыток. Я говорила об этом с Павлом П. (Пабло Пикассо. — К. Г.) и он мне дал тогда рисунок для книги — но («книги» зачеркнуто. — К. Г.) manuscr[it]⁴⁷ я ему не показала — он был в Лондоне. Очень жалею об этом. В прошлом году Марика случайно нашла издателя, и месяцев 6 или 7 тому назад, я наконец подписала контракт, книга должна б[удет] выйти в конце этого года, она в переводе. И вдруг такой сюрприз, и очень приятный и интересный, но — для моей книги — с коммерческой стороны — это катастрофично. Публикование этой моей книги, мне, очень и очень важно, Илья. Это весь вопрос моего и нашего существования, вопрос “vital⁴⁸”. Издание книги да[ет] мне возможность, работать еще и быть самостоятельной те несколько лет, что мне осталось жить. Моя жизнь трудновата у Марики. сознаюсь теперь.

Твоя книга, Илья, знаменитого I. Ehrenbourga — заранее знаем, что она будет иметь успех и ты заработаешь. Все шансы на твоей стороне. Мой издатель поставлен в трудное положение. С одной стороны, он подписал со мной контракт — для книги с другой — он боится теперь “courir le risc⁴⁹” [с] изданием моих воспоминаний. Я здесь мало известна только две выставки. Хотя моя выставка имела большой успех в Лондоне, и имела сторонников но и “anemis⁵⁰” и вообще — ревность и злоязычество баб, я так думаю. Уж состарились — гниют некоторые а зло еще кипит и пенится в них. Ну чорт с ними.

Одно сможет спасти мою книгу, это Introduction⁵¹ для нее — твое Илья, что несмотря на твою книгу ты смог бы сказать в этом Introduction что находишь что мои воспоминания то-же интересны — потому что они писаны художницей, скорее все рассказано простым но красочным языком. Я не ищу быть писательницей, это поздно, но выражаю все мои впечатления — с раннего детства между чувашами, черемисами около Казани, потом на Кавказе. Красочный народ востока, как я люблю его песни, танцы и любила его аулы — деревни и даже язык! Мой отец ничего не видел и ничего не понял и хотел меня выдать за старика, конечно богатого, потому я и застряла в Париже. Потом моя жизнь на Montparnase — и связь моя 6 лет с Rivera и потом наша жизнь с Марикой — трудная — и полная всяких приключений — смешных и трагических даже. Не соврешь — если скажешь что у меня есть personalite⁵² и что я все же остаюсь русской в хорошем значении этого слова. Когда Ивану было 4 года и когда отец его француз у нас его похитил в Cannes⁵³ я выпросила два паспорта в С. Р. — и мы хотели тоже взять потихонько мальчика и свести в Москву. Но это не удалось и па[с]порта рус. у меня кто-то украл. Марика потом вышла замуж за — Род[ни] и упростила меня остаться здесь. Видишь как все вышло запутано, а я всегда хотела жить просто, — и свободно. Если сможешь написать Introduction d'Ehrenbourg pour Marevna, ca sera tres epatant⁵⁴, и я и Марика будем очень и очен[ь] рады. Если будеш[ь] в Англии — приходи — звони к нам — будем рады от души [встретить] тебя и Любу. Не прощай а до свидания — теперь я уже буду знать о твоём приезде!

Отвечай — поскорей — это важно для мо[его] издателя

Ты меня спрашивал Илья⁵⁵ до которого года я оставалась на Монтпарнас? — Вообще, могу сказать, что ходила в кафе Rotond и Дом, иногда с Марикой, иногда с G. Мегом⁵⁶ и Фонтеноем⁵⁷, до 1931 года, 32. Мы жили повсюду, Avenu du Ma[ine]⁵⁸ St. Jean⁵⁹ — у сумасшедшего д[л]. Madeuf — которому я на прощание вымазала голову в известке⁶⁰ — на Place Italie [22, p. 274] — потом когда Марика работала в балетах на Av. Clichy — и rue Levingston[e] — последняя резиденция в Пари[же] — и мы уехали на юг в Ницу — когда Марика серьезно заболела после 5, 6 месяцев работы — ужасной в boites de nuits⁶¹. Да, это было, и я себе простить этого не могу. Она мне попрекает всю мою жизнь. Покинули мы Париж в 1936 году, когда была моя выставка chez Zborovsky⁶², rue de Saine (Seine. — К. Г.). Когда ей было 12 лет — Diego по настоящю [J]. Faur'a⁶³ прислал 36,000 нам — (это все что он сделал за всю свою замечательную жизнь) для нас. Мы уехали в деревню, где прожили 2 года.. и потом вернулись в Париж — Она (Марика. — К. Г.) сама ездила 2 раза в Голландию, где у меня остались наилучшие друзья⁶⁴. Она там даже работала 6 месяц в одном большом театре “Opera de Rotterdam” — ей было 17 1/2 лет. Она зарабатыва[ла] с 12 лет на жизнь — а (1 слв нрзбрчв. — К. Г.) я стала рабо[т]ать только после смерти отца — на жизнь!

Забыва тебе сказать — что я (“мы” зачеркнуто. — К. Г.) жила на Campagn Premiere (rue Campagne Premiere. — К. Г.), когда Марика была около Аркашона, — для здоровья — и оттуда переехала rue Decre⁶⁵, в большое Atelier⁶⁶, которое потом перешло Альтману⁶⁷. Вообще мы мыкались — Марика нашла свое stabilite⁶⁸, в своем втором замужестве, но она задыхалась в обстановке — не выдержала и Ph (Родни Филипсу. — К. Г.) было с ней трудно то-же. Дом в котором мы живем — дом ее сына, а не ее. Вообще — кроме моих картин и некоторой хорошей мебели — у нас нет ничего. Я боюсь что Иван идет в монастыр[ь]⁶⁹ поэтому. Он странный юноша. Думает что этим он себе получит свободу и спрячется от жизни. Потому что, церков кат. стоит совершенно особо. Могу сказать — что мы борориль (возможно, боролись. — К. Г.) за нашу свободу личную. Но Марика была бы крепче — и сильнее еслибы она знала — что у ней за плечами — есть поддержка моя поддержка. Самое главное, конечно это возможность работать. Ну, прошу не сердится за длинное письмо — но это еще не кончено. Прошу тебя сделай, помоги мне сделать (“мне” зачеркнуто. — К. Г.) выставку в Москве — Обидно, будет умереть оторванно[й] от всего что я очень любила — Это Кавказ! Хотелаб[ы] повидать его, привести сюда рисунков. Быть может — с помощью Су[т]кова — сумеешь — мне выхлопотать поездку — к вам в Москву и потом в Тифли[s]. Я бы хотела сделать многих рисунков с Кавказских типов.! Илья — я никогда тебя ни о чом не просила, а теперь когда судьба еще раз ставит мне подножку (это твоя книга[]) прошу тебя — будь другом настоящим, хоть ради Марики. Кто нам осталс[я]? — Ты, Пикассо и Zadкин⁷⁰! Марика меня очень просила тебе написать, но не знаю, почувствуешь ли ты знач[ение] того, о чом я тебя прошу? Предисловие хоть короткое к [книге] и выхлопотать мне выставки в Москве и поездки в Москву и Тифлис.

У меня есть еще 7 кубистических картин

25 moder[ne]⁷¹

21 pointille⁷²

30 рисунков

13 портретов артистов⁷³ и мой —

2 скульптуры в бронзе

голова Diego River и Марики, она большая

и два больших панно с художниками всех вместе, ce drole!⁷⁴

98

Хотелабы сделать твой большой портрет! но в час времени в полутемном зале отеля (отеля. — К. Г.) я бы ничего хорошего не смогла сделать — и очень жал[ь] что ты к нам не пришел в Июле (июле. — К. Г.) месяце! Марика очень удивлена. Это жизнь со всеми ее непонятными сюрпризами. Ну милый Илья, жму руку тебе и Любе — а может еще увидимся?

У нас, в Пушкинск[ом] клубе есть дамы которые хорошо знают и Любу и тебя.

Пиши сейчас же мне — что ты можешь и что не в твоих силах. Жду с нетерпением — письма — не откладывая — мне нужно будет бороться за свою книгу, и за свое короткое существование — ну что же еще поборимся! Может — вместо меня — пригласи Марику — с моей выставкой — это ей будет очень полезно — увидеть русских людей, как ты думаешь? Но на Кавказ — я бы хотела поехать с тобой или с ней или одной. Зачем ты говорил — что не (2 слв нрзбрчв. — К. Г.)?

Вчера⁷⁵ мне сказали что путешествие в Москву в автобусе — продолжается 3 дня и три ночи! — без отдыха. Это очень трудно для меня = для моих ног — ревматизм! Как нибудь нельзя ли быть приглашенной? Помнишь ты меня пригласил приехать в Eze - sur mer⁷⁶? Хотелабы набрать много рисунков с Кавказа и привести сюда — какая красота! выхлопочи мою поездку в Тифлис и Мцхети —

Милый Илья —

прости что тебе надоела но тебя совесть будет мучить если ты нам не поможешь!

Марев[на]»

Письмо 6

В следующем письме (без даты) Маревна писала⁷⁷:

«Милый Илья —

про твоего барана-свиствулку я вот что расскажу тебе — Илья, Иван мой старший внук, и дома все зовут меня “баба” — от бабушки так прозвал меня Илья, когда был малышом.

В один морозный вечер полнолуныя пришло желанье мне, гадать и вызвать беса! “Ты думаешь, баба, что ты колдунья?” Иван [смеясь] мне сказал, ну провожу тебя до леса. Прошли предместья, парк уснувший и мост над рекой и вот мы под горой. Она кустарником и лесом поросла. Вскарабкались наверх — а там поляна облитая луной и тихо — только ветер шумел в лесу. Внизу бедное предместье и освещенные кое где дома. И церковка, и трубы черных фабрик. И [ч]орный бак — чудовищем стоит. Вдали пыхтя промчался поезд. И вот уже прозвонила полночь. Тогда свирель — барана я достала и стала дуть мотивы странные в него. А позади Иван бурчит, не стыдно ль бабушка — тебе в такие вещи верить! Так посвистала минут 10, 5 — Вдруг — чувствую у ног моих шевелится — мурлычит кто-то, фыркает ластится. Гляжу — большущий черный кот! Глаза как уголья горят. Шепчу, Иван и ну креститься! смотри! А глядь Ивана уже нет, спешит с горы долой спусться (спуститься. — К. Г.) и удрать домой. Я за ним — а кот по пятам за мною! Бегу позорно. Каблук один оставила в дыре, и вся в поту — бегу к мосту — Иван уже там, и усмехаясь — говорит “Чего ты испугалась так? и за спину мою глядит.

Кота уже нет!

А мост зовется св. Антона мост, как церковка.

Пошли задумчиво домой. Внук впереди, здорово хромая, а я за ним, прихрамывая тоже. Пойдем еще разок [? я] говорю.

— Ну нет. Уж дудки. Иди сама с собою. Что этот кот был бес — поспорю — но какая радость — прогулка под Луной? пойдем как лучше днем — когда вот солнце будет. Не критикуй — серьезно! Это когда у меня бессонница — то я себе рассказываю — чтобы уснуть!

Пиши не откладывая — сможешь ли ты мне прислать Introduction если да — мой издатель подбодриться. У меня есть письмо Rivera, и — Матиса — и еще кое какие — но менее интересн[ые]. Но — ты сможешь спасти мою книгу et me [sauver] la vie, infin le gout pour la vie et le travail. Je ne pas de la faut se que m'arriv — bien sur! Je suis sure — que ton livr[e] sera brillante — mais moi — je me le point sur le i — et on peu[t] aussi rire beaucoup!»⁷⁸

Письмо 7

23 декабря 1960 г.

Маревна писала из Илинга⁷⁹:

«Дорогой Илья — и Люба.

Вот на носу уже Новый год — на улице — холодно и мокро. Я сижу дома — уже простужена и верно так будет два месяца — если каким нибудь чудом не выпадет мне удача — выехать от сюда куда нибудь к солнцу — Работа зимой застревает и массу неприятностей с книгой — все это требует хороших нервов — и терпенья терпенья — ну за эти годы я научилась ему.

Наконец то мне дали прочесть два № 9 и 10 журнала Нового мира — где помещены твои воспоминания. Но детства почему-то не дали. Очень хорошо — и увлекательно написано вообще. Но о наших отношениях с Диего вышло как то обыкновенно — плоско. А наши отношения — и любви к друг другу были бурей настоящей — грозой.

Может Маленький Диего⁸⁰ и погиб — от этого — и сам R[ivera]. (1 слв нрзбрчв. — К. Г.) надолго надломился.

Меня спрашиваю[т] — почему это Э[ренбург], говорит что вы кричали? — да голос у меня был звонкий молодой — говорю. Да вообще — все мы кричали какетс[я] в то время — и Жанна L.⁸¹ et⁸² Шанталь⁸³, а ты пронзительно пищал когда [налезался] гашишу. Жалко что ты написал про мою цельную фамили[ю]. Мои родные поляки не будут очень довольны этим — они отсталые люди. Есть один — держит магазин где-то на хорошей улице в Париже — и написано: Stebel. Кажется архит[ектор]. декоратор. Так же как я раньше подписывала свои работы⁸⁴. В гимназии в классе меня звали — «Стебель — Стебель — Стебелек — что с тобою мой дружок? — это когда я уставала быть сорванцом и казалось всем что я грустная.

Жал[ею] что ты не сказал — об обертке твоей книжочки в стихах «Канунах» (Илл. 1)⁸⁵ — ведь ты сам мне говорил в Лондоне что у тебя остался единственный экземпляр. Я долго хранила мой экземпляр в Париже — (Марика прекрасно помнит — рисунок) но с переездами — много вещей у меня потаскали — твои стихи — рисунки — и Волошина и 5, 6, 7 вещей Диегеньих.

Твой портрет с трубкой — с длинны[ми] волосами который я сделала в моем ателье rue Asselin⁸⁶ — я долго таскала с собой еще.

Сейчас я тебя поместила (по наброску — сделанному у тебя в Hotele, в Лондоне) на большом раппо — между Диего и Рикассо (Пикассо. — К. Г.). Ты читаешь журнал «Humanite»⁸⁷. Всех всего 5 человек а Панно большое⁸⁸. А теперь я начала работать на другом панно — другие друзья⁸⁹. — В большой (1 слв нрзбрчв. — К. Г.) — задача трудная и интересная. Мне уже предложили выстав[ку] [по] той рабо[те] здесь в одной очень большой галерее — надо подождать — [весны] — увижу — как книга — и достойны ли будут мои панно большой галерее — не осрамиться бы⁹⁰!

Не знаю что тебе [желать] интереснаго — боюсь — на тебя (1 слв нрзбрчв. — К. Г.) угодить теперь — так я шлю набросок⁹¹ — фантазию [наших] друзей — действительно — во всякую минут[у] жизни. Вот они все тут — Чилли — облысел немного — полтолстел — потомучто — в очень плохую погоду я не могу его водить на прогулку. Синба не так страшна — теперь как я нарисовала — но она странная — все движения у ней не кошачие а обезьян[ьи]. Мышки — [чудна] и Мишку Марика обожает. У нее вырвали один глазной зуб — и представь — доктор был поражен — чудный зубок — с тремя корнями как у всех обезьян! [Доктор] говорил,

что читал где-то об аптеках — будто они то же имели по три корня в зубах. Вот поди ты? Марика страшно загордилась вдруг. Я бы хотела послать Марика на немного хоть врем в Россию — здесь она выдохнет[ся] окончательно — зачахнет бедная. У ней руки покрыты нервной экземой — как 5 лет тому назад в Дорсет⁹². и доктор говорит одно — нервы — нервы. Я счастливее ее — я продолжаю свою работу — которую Люблю — а она — не может найти себе работы — хотя и очень талантлива. Вот она и чахнет морально и физически — и не знаю как ей помочь — Она так устала бороться в своем заколдованном кругу. Есть очен злые люди — и больше из женского подobia. Жена Диего — и его дочь которые приезжали сюда — не хотят допустить, что Марика тоже доч[ь] Диего. Ну чем она виновата? виноваты мы и ты который меня толкал в его объятия — не забывай же! Прошу тебя — не для себя — а для нее — если можешь — сделай для нее что нибудь, от души. Пригласи Марик к себе — обогрей ее — дай ей советов — обучи ее дипломатии — Она оживет около вас, наберется свежих сил — помолodeет душой и телом — может ее вылечат от этого недомогания — может наследственного. Мне сказали — что врятли меня пригосят в Москву — так пусть Марика поедет — пока ты там еще — — жив и здоров — и Люба — надеюсь сможет ее сердечно встретить. Ну вот — пока все. Хочу записать[ся] на ваш журнал “Новый Мир” — он мне нравится. Пиши — что нибудь — чтоб я знал[а] что ты получил мое письмо. Если придешь сюда — дай знать — хотелось бы тебя еще разок увидеть. Ну. всего хорошего к Новому году вам обоим — не забывайте все-же — Когда моя работа вся будет кончена — пришлю фотографии — может быть —

Целую — вас с Марикой — Маревна.

Письмо 8

26 июня 1961 г.

Маревна писала⁹³:

«Дорогой Илья — я недавно вернулась из Cannes —. Ездилa повидать Пикассо — но не имела успеха, он прячется от всех, много работает и редко принимает людей, приехавших даже, как мне сказали — его повидать даже из Германии и Японии. Я потратила все деньги, данные мне моим издателем жизнь в Cannes очень дорога — и главное поездка на Avione⁹⁴. Я пробыла 7 дней в Canne[s] и 3 дня в Париже. Видела в Cannes кое каких старых знакомых. Видела в Париже — старо[го] Fujita⁹⁵ с женой⁹⁶. Он очень меня мило принял, даже сделал мне мой портрет — карандашом⁹⁷. Видела Monzaina⁹⁸ — весь белый тоже — еле волочит ноги. У него две красавицы дочери. Одна докторша. Дом на rue de Depart⁹⁹ — снесли и построили вокзал — продолжение gare Montpar[nasse]¹⁰⁰ Стало довольно грустно. Зашла в один ресторан, на Montparna[sse] — для артистов et intellectu[els]¹⁰¹ большой portrtret (портрет. — К. Г.) Modigliani¹⁰² — смотрел — с иронией на пустые столы. Видела Andre Dehlay¹⁰³ — совсем седой — усы и брови — но такой же приятный. Жена его — художница — тоже седая вся — накормила меня превкусным обедом. Вспомнили старое время — и пили хорошее вино.

Горы картин — и горы книг — живут около Сены около дома где жил Picasso. Delh[ay] мне разска[зал] [много] про него — как он жил и был во время войны. Видела [Luris] Resgroу — и одну подругу Modiglian[i] польку — она то-же держит Galerie¹⁰⁴ на rue de Seine. Madame Zborovska¹⁰⁵ — написала книгу о Modiglian[i] Моя книга выйdet в марте месяц в 1962 году — Надею[сь] — что это последни[й] срок. Теперь — торгуюсь — какая будет обложка — фотогра[фии] и рисунки. Нужно сократить[ть] конец — встави[ть] кое какие параграфы. Но вообще — это уже почти кончено. Спешу. Скоро придется убираться отсюда. Марика перестраивает дом — чтобы здавать квартиры — а то ей очень трудно жить Для меня — с моими картинами — [рамками] — места — нет! Не знаю как все это устроится — будут деньги — это не так страшно — но в сию минуту — жить мне трудно. Марика нервничает — портит себе и мне жизнь.

Представь что несколько недель назад вдруг получила письмо от сестры которую никогда еще не видала и которая живет теперь в Ленинграде. Она прочла твои воспоминания и увидела мое имя. Я ей написала уже два письма — но не имею никакого ответа Или я много расписалась — не о том о чом следовало писать или задала ей вопросы — неудачны — но это молчание — меня огорчает и удивляет. Нашла сестру и вдруг снова потеряла. Не можешь ли ты написать ей слово — от меня и сказать ей всю мою радость[ь] что она жива — и скажи ей как я жду ее ответа. Почему опять не пишет? Я ее приглашала — погостить у нас. Но вижу что — не во время — работы начнутся очень скоро и дом будет представлять из себя — одно chantier¹⁰⁶ полная разрухи. Работы будут продолжаться[я] в течен[ие] двух месяцев — вероятно — надею[сь] не больше. Здесь рабо[чие/тают] скорее чем во Франци[и] все же.

Историк¹⁰⁷ едет скоро в Ленинград и спросил если я хочу чтобы он зашел к сестре — но — я — не очень хочу. Я не зна[ю] как она живет. И может она будет недовольн[а] видеть назнакомо[го] человека Марика его хорошо знает — я нет. Историк думал что мои раппо — написаны на холсте и хотел привести в Сов. Росс — показать их и очень смея[лся] когда Мари[ка] сказал ему что я пишу на картоне. Это скрутить никак нельз[я] а писат[ь] на холст — очень дорого. Я бы хотела продать портрет (большой) Писasso¹⁰⁸, накупить холста, красок и может иметь возможность — нанять atelier[г] где нибудь и переехать отсюда и жить самой по себе — и тогда я смоглабы пригласить сестру, Если книга будет имет[ь] успех — в продаже — значит и жить мне станет легче. Марика подыскивает galerie чтобы я смогла сделать выставку в то время — когда выйdet книга — я очень занята. Нервы болят — и болит печень.

Дорогой — напиши мне скорее. Моя сестра говорит что ты — милейший человек!

Когда ты будешь здесь?

Выстави[ла] рисунок с твоей головы помнишь я сдела[ла] у тебя в комнат[e] Hotel в Londo[n]e? И голову Горько[го] — в одном музее около Wraiton¹⁰⁹. Выставк[а] русских художников — от Малявина¹¹⁰ — Добужинско[го]¹¹¹ — Бакста¹¹² —, Может устроят выста[вку] Ларион[ова] и Гончар[овой]¹¹³ Это будет чертовски интересно!

Пиши родной! время скачет — не удержи[шь]

Целую тебя обе Марик[а] и я — привет твои[м] Любе, Кате и

Ирине — помн[ю] их люб[лю] [всегда]. Маревна»

На полях первого листа письма Маревна написала: «Грустно тебе написат о смерти Чили Он умер вдруг меня дома не было — но Марика его держала на руках. Я его напис[ала] с тобой на картине, вмест[е] с Писас[со], Leger¹¹⁴, Диго [Диего] и Шагало[м]¹¹⁵».

Письмо 9

11 августа 1961 г.

И. Г. Эренбургу написал Марк Коэн, издатель мемуаров Маревны «Жизнь в двух мирах»¹¹⁶:

«Дорогой господин Эренбург,

МАРЕВНА ВОРОБЬЕВА – ЖИЗНЬ В ДВУХ МИРАХ

Мы собираемся напечатать автобиографию вашей подруги Маревны Воробьевой в следующем году в Англии и Америке. В этой увлекательной книге описывается эпоха Монпарнаса когда вы и автор познакомились.

Мы очень хотим проиллюстрировать книгу фотографиями и портретами, напоминающими о времени и обществе, которые описываются в ней. Нет ли у вас случайно фотографий или рисунков тех лет? Нам бы особенно пригодилась фотография вас с женой, если у вас еще имеется таковая или что-то наподобие. Мы, конечно, будем очень аккуратно обращаться с тем, что вы могли бы нам предоставить, и подобные иллюстрации существенно увеличат ценность книги

Искренне Ваш,
Марк Коэн

Господин Илья Эренбург,
Союз Писателей СССР,
Москва,
СССР».

Письмо 10

5 октября 1961 г.

Маревна написала Эренбургу:

«Дорогой Илья — почему ты мне не отвечаешь? Сейчас же после нашей встречи у телефона — я тебе написала, — как я была рада тебя услышать — и с каким[и] благодарностью я ждала твоего рисунка — “Rotond” [Ротонда]¹¹⁷ чтобы поместить в книгу. Она выйдет только к апрелю месяцу 62 года.

И в этом ты виноват — хотя конечно незначая ничего. Нельзя выпустить книгу с тем же периодом времени и тех же людях — о котором ты и я говорим оба. Конечно это разное — но поди ты разсуждать с издателями Твой рисунок “Ротонд” — мне помог бы во многом, Илья! Нам с Марикой очень трудно — очень — и материально и морально — Но Марика еще молода и красива — и хотя по временам и у нее появляется упадок духа для борьбы с этим миром но я надеюсь, что она, выберется — выбарахтается из этой тины в которую мы попали. Если — ты не хочешь дать мне рисунок — дай его Марике — я не ревнива. Она даст рисунок издателю ——. Теперь — как раз — он подготавливает книгу — какой она должна быть — с фотог[рафиями], и рисунками

Я была бы счастлива — я думаю — мы об[е] —, если бы ты нам помог — — своей дружбой, Марик[а] прочла твою кни[гу] — и очень очень хит[е]¹¹⁸. Моя сестра пишет мне из Л-[енингра]да — что любит твою манеру писать — (как и я) Она то-же любит и 9-ый Вал “Грозу”. Эти книги — я перечитываю — они около меня на столик[е]. Твои стихи — последни[е] то-же. Марика выучила наизусть “Бабий Яр”. М.[арика] очень очень любит его. Когда я ей перевела с рус[ского], на франц[узский]. — мы обе — плакали — правда! Жалко — что на Лит[ературном], вечере, о Сов[етских], поэтах в Пушк[инском], Клубе — ничего не читали твоего — и не пригласили Мар[ику]. — она хотела прочесть твои стихи наизусть! Конечно — это иногда смешно — но так трогательно Она действительно — любит твою поэзию — и тебя. Я столько рассказывал[а] ей о всех вас и нас — что она — которой не пришлось пережить то великопное время — а la Rotond[e] она — жалеет об этом — и дорожит тем что ты написал о ней и о мне в твоих воспоминаниях.

Илья — не смогла тебе прислать фотограф[ию/ии] моих панно. Я была вынуждена дать едиснтв[енную/енные]. фотограф[ию/ии] — издателю.

Сижу — без копейки пока — потому что — все уходит на жизнь. С Галереями — плохо: Все требуют абстракт (видимо, абстракцию. — К. Г.) — Мода, Иногда кажется — что теряю последние силы на борьбу с жизнь[ю] а хочется так еще поработать

И так дорог[ой] Илья — если хочешь — и можешь нас поддержать морально — пришли “Ротонду”. — Если по каким-то причинам — тебе этого нельзя — пришли хоть фот[ографическую], карточку. И еще — если можешь — прошу тебя — какойнибудь стих... из “Канун”. Я так их люблю, и если ты позволишь — я помещу в книгу короткое — или отрывок — в 8 или 10 строк. Можешь? Надею[сь] что ты выполнишь мои просьбы. Мои и Марикины —.

Как только смогу — пришлю тебе 2 ф[отোগрафии]¹¹⁹, это для меня стоит дорого

Крепко целую тебя

Кажется Марика тебе написала вчера¹²⁰ — Она играет после завтра в Телевизион¹²¹ Комерч[еское]. Роль итальянской женщины — у которой массу детей — муж не работает — и это она — должна работать — день и ночь — для своих детей. Мар[ика], говорит со мной по ит[альянски], накупила себе книг и уже говорит. У нее Наполитанский тип и я знаю, что она будет иметь успех.! Слава, слава, ее терпению et perseverance¹²².

Ну — дорогой друг — пиши — не откладывай — жизнь так коротка стала для нас.

P.S. Вчера наш телеф[онировали]. — о том что бар[онесса], Мура, Г[орькая].¹²³ — тоже пишет книгу. Вероятно она сможет много рассказать интересног[о] о Горьком — и об Италии. Желая ей успеха. Она была на моей выставке в 1958 году¹²⁴ — и просила меня к ней заходить — но со всеми заботами и работами — жалею что не нашла времени — ее повидать — поеду на днях

Еще раз спрашиваю теб[я]. — не мог бы помочь мне устроить — выставку — в Москве или Л-[енингра]де-? Я послала несколько сн[имков], фот[ографических], с картин — моей сестре, а она показала вокруг себя — и говорит что это очень инт[ересно]. людям и им даже нравится. Но каж[ется], главное чтобы понравилось[сь] в Галереях Неужели нужно то-же делать абстр[актную], живопись и у вас? Неужели нельзя — писать свободно?»

Письмо 11

Далее хотелось бы привести письмо Марики Риверы И. Г. Эренбургу¹²⁵. Письмо не датировано, но представляется, что именно о нем Маревна писала Эренбургу в предыдущем письме («Кажется Марика тебе написала вчера»), так как в содержании обоих писем речь идет о рисунке «Ротонда».

«Это письмо такое, какая я есть, и, как я чувствую, оно — плохая литература, но искренняя. Засунь свой скептицизм в карман и быстро мне ответь.

Дорогой Илья, душка моя. Прежде всего, мне нужно тебе сказать, насколько мне понравилась твоя книга. Это великая книга, как ты. Как я горда и одновременно глубоко тронута, когда прочитала мое имя в твоей такой человеческой великой книге и когда среди всех имен твоих друзей великих и малых я нахожу имена моей матери и моего отца. Маленький кусочек льда, который запал в мое сердце, растаял, и мое сердце горит и быстро бьется, и я становлюсь огненным шаром, который ищет свое место в охлаждающемся мире — и да, я люблю тебя по-русски.

Илья, ты мне дал больше, чем когда-нибудь кто-нибудь другой. Чувство благодарности, что у меня есть настоящий друг, дикое чувство быть признанной, потому что ты надежда и подлинный дух единственно возможного общества меня представил как дочь Маревны и Диего, и сейчас вещи становятся легче для меня с какой-то стороны, несмотря на женщин-завистниц¹²⁶.

Я никогда никого не искала, а теперь ищут меня, и моя очередь улыбаться.

Я так жаждала дружбы, жаждала красивого поступка. Твоя поэзия полна дружбы, и книга твоих стихов лежит рядом с моей кроватью. Маревна меня им обучает.

Читая твою книгу, я чувствую, что заново родилась. На меня снизошел яркий свет, возродились мужество и надежда начать новую жизнь в ближайшее время. Надежда заслужить эту жизнь, работать, чтобы помогать другим жить. Известно, что найти себя трудно, но ты мне помог.

Прежде всего, мне нужно сделать маму счастливой и вывести ее из тени. Я отчаянно борюсь, чтобы эта книга вышла максимально успешно. Это трудно, так как Маревна — не ты и не П. Пикассо, и именно поэтому иллюстрации так важны. Обложка — это рисунок, портрет мамы, который Пабло нарисовал несколько лет назад. Если книга будет иметь успех, они опубликуют второй том — потому что эта книга из соображений экономии ограничена 1926 г.¹²⁷ — и есть годы материала, чтобы отобразить вторую. У книги есть все шансы на успех благодаря ее детскому стилю, наивной и яркой свежести, где нет ничего грязного и примитивного — ты обещал по телефону дать маме рисунок гуашью.

Я прошу тебя, Илья. Я тебя умоляю, помоги мне, отправь этот рисунок сейчас. Время не терпит, и вдруг все начинают писать о Горьком, о Монпарнасе. Мне не терпится увидеть книгу опубликованной. Твоя поддержка огромна. Ты это знаешь — как я могла бы тебя отблагодарить или отплатить тебе за то, что ты сделал? Только сказать тебе и попросить тебя мне поверить — ты можешь у меня попросить несколько лет моей жизни, это не так уж много, но это пришло само собой, я тебе их дарю.

Я обнимаю тебя и надеюсь прочитать твой ответ очень скоро. Я надеюсь тебя увидеть в следующий раз, когда ты будешь здесь.

P.S. у меня есть маленькая собака — невыносимый, но симпатичный, молодой фокстерьер, он все разрушает и повсюду делает дыры, но он полон жизни. Я сожалею о моем старом скотче¹²⁸.

Письмо 12

24 октября 1961 г.

И. Г. Эренбург написал Маревне¹²⁹:

«Дорогая Маревна, видимо, при нашем разговоре по телефону произошло недоразумение. У меня не сохранились мои рисунки, изображающие “Ротонду” и даже нет ни одной фотографии. Я посылаю тебе мою фотографию той эпохи¹³⁰, буду рад, если она пригодится.

Пишу это письмо наспех, чтобы не задержать ответа».

Письмо 13

4 января 1962 г.

Маревна писала¹³¹:

«Дорогой Илья — посылаю тебе все пожелания — наилучшие от всего сердца; тебе и Любе; Ирине и Кате от всего сердца; Надеюсь что ты все же получишь это письмо к новому году. Я давно получила твою чудную фотографию — и я тебе ответила тот час же — горячо поблагодарив¹³² и прилагая к письму одну фот[ографию]. с моего пано — но ты мне не ответил.

Слыхала что ты был болен — и вероятно как всегда очень занят и я себе объяснила твое молчание забывчивостью. Будет досадно если ты не получил ни письма ни снимка у меня их очень мало. Один фот[ограф]. сняв 4 снимка с моих работ — бросил Ealing — и куда-то исчез: — прогорел говорят — так что мне снова надо заказывать новые фотографии — досадно.

Твоя карточка — замечательная, Илья. Но на моем пано ты немножко другой — потому что я писала по памяти¹³³.

Шлю тебе снимок с другого пано — где я тебя написала по наброску — который я сделала во время — моего свидания с тобой в Лондоне¹³⁴. Конечно — в красках картина выглядит лучше гораздо лучше и ф[отопрография]. не так удачно по свету — она снята вечером при [слабом] освещении

Мы купили две твои книги на английском яз[ыке]. в подарок — одному артисту театра который много о тебе слышал и интересуется — и другому — это другу Марики — книгоману. — Он только что приехал из Африк[и] — где крутил филм¹³⁵ 2 1/2 месяца.

Говорит ф[ильм]. замечательный — в красках. Он выйдет в Мае — июне месяце — и будет показывать в телв. [возможно, телевидение] во всех почти странах.

Все надею[сь] еще повидать тебя, Илья. Постара[юсь] к лету поехать в Ленинград повидать мою — сестру — Нину — она все зовет меня. Ей гораздо более хочется чтобы я приехала туда —. В Казани — у нас еще есть старушка тетя — и племянниц[а] 50 лет. А в Л[енинграде]. — есть семья дяди — которы[й] умер два года назад. Интересно — знаешь Никогда у меня кроме Марики — никоно не было — и вот — подумай на старости лет оказалась — семья. Дед мой по матери — был Rosanovist. — Розанович!

Он мол[одым]. человеком был высла[н] из Польши в Казань — познакомился с моей бабушкой — рус[ской]. — и вот поженились[ь]. Стебельский — как — говорит сестра — мой приемный отец — и только. Но — Marika говорит что я очень похожа на него по карточк[е] — кому верить? и не все ли равно теперь?

Поляков я никогда не любила, признаю[сь] (1 слв нрзбрчв. — К. Г.) [к стыду своему].

Уже несколько дней — лежит снег и очень холодно. Болят ноги — не могу их втиснуть в ботинки — так что все сижу дома и смотрю из окон на улицу — и сад — превратившийся в сказочный пейзаж. Непривычно — и хорошо — если бы не болели ноги. У Марики — много забот. Илья — завален игрушками и в — — когда все женское ему претит — грубые манеры — со мной дерется — ревнует к новой собаке — которая — чудная, Дафи — 6 1/2 месяц[ев] Есть новый персидский котенок — его нашли на улице. Чудесный. Так что у нас три кошки и собака (Чальз умер от разрыва сердца) Мышка — состарила[сь] — ей 3 года — ухаживаем за всеми. Собаки в дружбе с кошками — кроме Софы. Эта — особа не признает никого м к несчастью, но спит у меня в ногах с Симбой. Была в монастыре у Ивана — брат Леон! Чудной он знаешь. Характер у него — лютый, и трудно ему там — но всетак[и] он старается себя [переманить] как-то. Жаль у него характер странный — и по временам даже был страшный. Его любовь к матери выражается скорей ненавистью и презрением, потому что она живет с Петром — а не выходит за него замуж. Что же на сильно на себе не женишь! Тоже — странный какой то человек. Умный, талантливый, работающий но — по моему двух личный, не искренний —. как многие ан[гличане]. Марика скоро сможет поехать в Париж. Ее наказание кончается[я] через несколько месяцев. Ты же знешь что за Ивана (3 слв нрзбрчв, возможно, имя первого мужа Марики Жанна Брюссе. — К. Г.) — ей запрети[ли] въезд во Францию в продолжен[ии] 5 лет. Теперь она учит рус[ский]. язык — ей хочет[ся] то-же поехать в Сов[етскую]. Рос[сию]. Повидать Нину и — тебя. Это — я уверена — принесло бы ей больше чем поездка в Париж. и я ее поддерживаю в ее хотении повидать ее тетю

и подышать русским духом. Я ей неоднократно и давно говорила — и подстрек[ала] поехали. Но она тяжела на подъем. Тоже — самое было и с Мексикой. Так и проворонила Диего.

Скоро выйдут несколько[о] мой[х] книг (пробных) и мой издатель[б] пошлет тебе одну — может ты сможешь мне помоч[ь] — и найти охотника на издани[е] ее на рус[ском]. языке в Сов. Р. (Е[с]ли она тебе — понравит[ся] — конечно — а я боюсь — что она тебе не понравит[ся]. Как-то написано уж очень просто — по детски. Хотя — здесь это нравит[ся]. Кажет[ся] в апреле все будет кончено — но деньги я получу только через 9 месяц[ев] — это по контракт[у] чорт его возьми —!, Ну вот дорог[ой] Ил[ь]я. Напиши сейчас же — как получи[шь] мое письмо и фотограф[ию] с картин[ы/ой] она — мерит каже[тся] 3-аршина в длину (или 120 англ — кажет[ся].)

Больш[ое] панно. Историк так и не пришел ко мне посмотре[ть] живопись — незнаю почему. Много здесь сплетен и злости меж людьми — имеющих галереи. В книги будет фот[ографии]. двух панно.

Целую тебя накрепко — Марика то-же. Будь здоров и пиши — прошу тебя твоя Маревна.

Письмо 14

Следующее письмо написано Маревной Эренбургу из Ленинграда, куда она поехала повидать сестру (письмо не датировано, но в письме Л. М. Козинцевой-Эренбург Маревна указывала, что была в Ленинграде в 1962 г. [Письмо 18]):

«Дорогой Илья — я тебя не добилась по телефону и не смогла приехать в Москву. — Я все время была с сестрой и она мне показала весь (почти) город который меня очаровал. Сестра чудеснейший человек, и очень любит твои произведения, особенно о Париже — где она была некоторое время Жалко, что я не смогла добиться продолжения визы чтобы приехать в Москву и повидать всех вас о которых[х] никогда не забываю. Один шаг зделан, и надеюсь что удаст[ся] приехать еще в Москву. Ты мне не ответил ничего о книге — получил ли ты Life in two worlds^{36?} et как ты смотришь на эту книгу — забраковал? — думаю. К несчастью — там много вырезали того что не надо было и оставили совсем лишнее, обидно Еслибы ты мне помог перевести эту книгу на рус[ский]. яз[ык]. (конечно с большими вырезками) я смоглабы может быть — свободно сюда приезжать к сестре — она, очень очень уставший человек. Ты знаешь я никогда не видала — Ленинграда — даже когда жила в Москве Я не представляла ничего подобного. Усилия которые были употреблены на его перестройку после войны — поражающие. Я была вчера в Пушкине, был чудесный день (хотя в Ле[н]ин[г]р[аде] лил проливной дождь и град). Место великодушное и нам напомнил Версаль. Мы сидели на солнце — и говорили о Париже, и твоих произ[ведениях]. Марика мечтает приехать сюда — но это довольно сложно — деньги. Это она выхлопотала, чтобы мне editeur³⁷ выдал мне — день[ги] на поездку — Ну, дорогой мой Илья — надею[сь] что еще увижу тебя — и что у тебя нет никако[го] скверна[го] чувств[а] по отношению ко мне по поводу книги. Все это пустяки. Я “отрыгнула”, как сказал Задкин все чем была больна. Теперь пишу еще — и надею[сь] кончить скоро. Выставки — я еще не имела, все готовлюсь. Трудно — писать — писать кар[тин]ы. и лепить и занимать[ся] домом — Наши кот[ы] живы — и собака выросла — Целую тебя креп[ко] и Любу и [3 слв нрзбрчв] Маревна. Уезжаю после завтра вечером (1 слв нрзбрчв. — К. Г.) Эстонии в London. Адрес тот-же. Жила здесь [как турист] в Астории».

Письмо 15

24 мая 1964 г.

Маревна писала из Илинга:

Дорогой Илья — пишу тебе с (1 слово нрзб. — К. Г.) — с плевритом — который я захватила (я уверена) по дороге в Royal Festival Hall³⁸ — я бежала по мосту — через Тамиз³⁹ — с одной девочкой 12 лет — смотреть рус[ский]. фильм “9 дней в году”⁴⁰. Я вспотела — а было ветрено — обратным путем — погода посвежела — и я почувствовала, что “9 дней в году” мне обойдутся дорого. Я жалела [что] Марика не пошла со мной она ходила на (1 слово нрзб. — К. Г.) Чехова. (по английски). Мне — фильм очень понравился и артист которого мы видели в роле “Гамлета” мне показался более на своем месте⁴¹.

Но постановка “Гамлета”⁴² — грандиозна — и сама музыка Шестаковича⁴³ так хороша — Шекспировская по духу — что стран[н]о даже думать что ее писал рус[ский]. композитор. Мы были в восторге. Кто — мне понравился и Марике тоже — это поэтичный и — “touchant et charmant”⁴⁴ образ Офелии. Во всей моей жизни я не видала что нибудь более прелестнее. И должна сознаться что — в первый же момент — меня поразило сходство Офелии с Любой в дни ее молодости — хотя она и была брюнеткой.

Это был самый удачный и очаровательный облик молоденькой девушки. Когда все руки потянулись [с] публике к Козенцову⁴⁵ (5 слв в кавычках нрзбрчв, возможно, cher⁴⁶ и еще 3 слова. — К. Г.) мы пожалели с Марикой — наши места были совсем ззди и мы проворонили его тоже внизу — в Holle [холл]е].

Марика была оперирована в Госпитали — и пробыла там 5 недель — и не может еще скоро ходить = и ездить на «метро» — очень трясет. Ее выход на “Гамлет” был первым выходом. Я телефонировала несколько раз а ton “beau frere”⁴⁷ и наконец — Марика его поймала. На другой день он дал ей “rendez-vous”⁴⁸ — перед Hotel незнаю почему — и Марика наконец таки смогла сама увидеть Козенцова — и выразить ему свой восторг по поводу фильма «Гамлета». — “Очень симпатичный” сказала Марика про него. Он даже обещался пойти повидать мою оперированную сестру в Ленинграде. Но — никаких писем я не получила еще. Может позабыл (столько дел!) — Эти дни пока я лежала дома, Марика познакомилась с дирек[тором]. Москов[ского] худ[ожественного]. театра в Пушкинском Клубе.

Он видел здесь ан[глийского]. Отело — и решил поставить пьесу в театре Москвы. Мы пойдем смотреть “Мертвые души” Гоголя — и “Все остается людям” с Черкасовым⁴⁹. Потом мы будем встречать — артист[ов] Московскаг театра Москвы — 15 июня. Незнаю смогу ли я пойти — но Марика пойдет — и мы пригласили арт[истов]. сюда к нам.

Вот дорогой мой Илья. Говорят что ты работаешь — чрезвычайно много, не покладая руки и устаешь очень — но это тебя не останавливает и ты продолжаешь — с головой — и сердцем (большим) служить этой великодушной Идее всеобщего Мира.

Хочу надеяться что Марика удастся тебя скоро увидеть. Я уговариваю ее поехать, но вопрос весь в деньгах — как всегда. Обeim нам вместе ехать прямо не возможно.

Я дала через Марику Козенцову несколько красочных фотографий — чтобы он мог сам посмотреть и показать тебе. Но написать письмо — для тебя ему я не успеда. Сейчас мне сняли [копии] все мои работы в красках старые и новые. Напиши мне твое впечатление о них — если Козенцов не забыл тебе их отдать

Целую крепко. Будь здоров [и] Люб[а] всегда. Маревна».

Письмо 16

Кажется целесообразным далее привести второе письмо Марики Риверы, так как в нем она написала о встрече с Г. М. Козинцевым (из его содержания можно сделать вывод, что оно написано в 1964 г.)⁵⁰:

«Дорогой, дорогой Илья, мой старый любимый друг,

время бежит как хочет в пространстве, и я еще не пришла туда, где я все время нахожусь моим сердцем.

Я была больна и я перенесла операцию, после которой я чувствовала себя очень усталой. Мама тоже болела, и еще в постели, но она пишет и умственно очень активна. Я ничего великого не сделала и много раз приходила в отчаяние. Потому что чрезвычайно трудно разрушить клику людей из театра и проникнуть в нее, главное, быть принятой, если ты чувствительный человек. Здесь не любят душу, живут как во времена Хогарта, и если ты не столь же жесток, столь же лицемерен и такой же зверь, ты никуда не попадешь или же ценой больших переживаний. Но я не хочу разочароваться, несчастье, что я должна была родиться не в Париже под звуки барабанов и фанфар перемирия, но в твоей стране, твоей великой прекрасной стране. Как я тобой восхищаюсь и как я тебя люблю. Как Любе, твоей жене и твоей дорогой дочери повезло, что ты у них есть, и как я хочу чувствовать ваш союз и вашу жизнь как поддержку моей.

Единственное, что мне позволяет жить, это то, что я поворачиваюсь полностью к вашим усилиям и достижениям, и я стараюсь учиться у русских их духу, их артистизму и этому потрясающему умению жить для настоящего социализма, защищать его, поддерживать его и развивать его ради мира, ради счастья человека на этой земле, которая страдает от такого количества жестокости и непонимания и маленьких жалких войн. Я хочу расти и помогать, я хочу уметь помогать.

Дорогой Илья, твой шурин сделал замечательный фильм, я его видела всего несколько минут, это очень интересный человек, он похож на Любу, твою жену, но Люба очень красивая, а у него глаза горят огнем музыкантов и поэтов.

Он обещал встретиться со мной по его возвращении в Лондон. Я надеюсь, что он сдержит обещание, скажи ему, чтобы он не забыл. Я одинока в этом мире людей, которые пожирают друг друга, я стараюсь понять, где дружба, где любовь?

Я посмотрела отвратительный фильм “Том Джонс” блестяще сделанный, но внешнее — это не все. Существуют другие вещи, кроме секса и всепожирающего материализма.

Я была с Ж. Зависким, у которого тоже вызвала отвращение эта оргия крови и жестокости. Прекрасные актеры теряют время на то, что играют отвратительных и гнусных персонажей, которые питаются как свиньи. Я также была очень расстроена от того, что последняя биография Диего была написана женщиной, которая повлияла или оказалась под влиянием всех этих ревнивых и хищных самок, от того, что Диего предпочел говорить глупости, противоречат себе и не говорят ничего правдивого¹⁵¹.

За два года до смерти он мне позвонил и попросил приехать к нему после смерти Фриды, он ничего не сказал об этом. Его первыми словами были: “Где Маревна?” У меня есть свидетель, моя горничная сняла трубку, затем, письма, которые он от меня получал, никогда не были жалостливыми. Это были письма с упреками. Я никогда у него ничего не просила, потому что моя любовь и уважение были такими, что я сражалась и страдала, не показывая ему этого.

Я хотела (может быть, я в этом была не права) ему доказать, что девушка может жить как мужчина и хорошо, мне следовало туда поехать или, может быть, нет, так лучше. Маревна меня отравила похвалами и славным образом Диего. Эта слепая и верная любовь к этому человеку отравила мою жизнь. Теперь, когда он мертв, мое сердце тает и я чувствую, что оно проникает в мое тело. Но мое уважение обращено к тебе, мое восхищение обращено к тебе. И твое просветленное лицо, твоя борьба за мир, за твоих не мешает тебе быть мужчиной, мужчиной, который дает, который по-настоящему великодушен. Кому-то повезло, что ты у него есть.

Я тебя прошу, Илья, сохрани свое доброе отношение ко мне. Я чувствую себя затерянной в этих джунглях, в этом обмане. Ты и твоя страна — это все, что мне осталось. Напиши мне письмецо, которое я могла бы читать, когда нуждаюсь в том, чтобы меня поддержали, похлопав по плечу. Надеюсь найти средства оплатить путешествие в Москву. Но напиши мне, скажи мне, что ты все еще мой старый друг. Мама посылает тебе большой дружеский привет, тебе и Любе».

Письмо 17

Последнее письмо Маревны написано на небольшом блокнотном листе (возможно, оно было приложено к письму Марики):

«Передал ли тебе Кознецов коробку с красоч[ными]. фотографиями моих картин?

Забудь мне о выставке в Москве или Ленинграде?

Помнишь ты обещал мне справиться и похлопотать об этом. Я знаю что Марика былабы очень очень счастлива.

Напиши нам если ты сможешь мне в этом помочь.

Я былабы очень рада, еслибы Марика смогла приехать хоть на несколько дней в Москву и Ленингр[ад] повидать сестру. От нее нет ни слуху ни духу — она была оперирована в эти недели. Дай ей адрес дачи твоей. Может быть ты сможе[шь] ее принять? у себя. Она еще такая веселая. Тебе будет приятно ее вид[еть]».

Письмо 18

5 сентября 1967 г.

Маревна написала письмо Л. М. Козинцевой-Эренбург, выражая соболезнования по поводу смерти И. Г. Эренбурга¹⁵²:

«Дорогая Люба — очень печальную новость узнала я в Телевизи[и] — об Илье, а сегодня получила письмо от Жана, старшего внука — и несколько статей из французских журналов — очень — хорошо — писанные с душой — и искренно.

Мы все собирались поехать в Москву — и так не собрались. А в 1962 году когда я впервые в жизни увидела Ленинград и — мою сестру — (с которой расстала[сь] когда ей было 4 года а мне 2 ½ года) — я хотела поехать в Москву — и повидать вас обоих в Москве — мой срок поездки кончил[ся] (всег[о] 12 дней) и деньги то-же. Это было грустно и противоречило моей надежде увидеть и прижать к сердцу старых друзей.

Надеюсь, что это [маленькое] письмо дойдет до вас — и что дойдет до вас и [наша] гореч и печаль о потери любимого нами обеи[ми] — Ильи Эренбург[а].

У меня есть его два портрета, [написанных мной], — молод[ого] и длинн[ого] волосого¹⁵³, и друго[го] — после [нашей] встреч[и] в Лондон[е] уже поседевшим¹⁵⁴ —.

Есть у меня и портреты Пикассо — они висят вместе в комнате — около портрет[а] Rivera.

Дорогая Люба, прошу вас — передайте — пожалуйста, от меня — Ирине — я не знаю ее адреса —. Я храню о ней воспомина[ния], как и о Кате¹⁵⁵ и о Вас — Скажите ей, что и я и моя дочь, Марика — любим — очень стихи Эренбурга — особенно — “Бабий Яр” Марика знает их наизусть! Я уверена что и после меня, Марика будет помнить Илью — и хранить о нем теплую память.

Ваша Маревна».

Список литературы:

1. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 10: Письма 1913–1917. М.: Эллис Лак, 2011. 830 с.
2. Волошин М. А. Путник по вселенным. М.: Советская Россия, 1990. 380 с.
3. Воробьева-Стебельская М. Б. Моя жизнь с художниками «Улья». М.: Искусство — XXI век, 2004. 290 с.
4. Зубарев Д., Фрезинский Б. Письма из прошлого. Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915–1918) // Звезда. 1996. № 2. С. 157–202.
5. Маревна: каталог выставки / Государственная Третьяковская галерея. М.: Искусство — XXI век, 2004. 189 с.
6. Попов В. Л., Фрезинский Б. Я. Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников). СПб.: Издательский отдел Библиотеки Российской академии наук, 1993. Т. 1: 1891–1923. 381 с.
7. Эренбург И. Г. Люди. Годы. Жизнь. Т. 1. М.: Советский писатель, 1990. 646 с.
8. Эренбург И. Г. Дай оглянуться. Письма 1908–1930. М.: Аграф, 2004. 624 с.
9. Эренбург И. Г. На цоколе историй... Письма 1931–1967. М.: Аграф, 2004. 640 с.
10. Фрезинский Б. Я. Об Илье Эренбурге: книги, люди, страны. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 902 с.
11. Фрезинский Б. Я. И. Г. Эренбург и его ближайшее окружение в свете инскриптов на книгах, переданных в дар ИРЛИ // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. С. 766–811.
12. Я слышу всё...: почта Ильи Эренбурга, 1916–1967. М.: Аграф, 2006. 688 с.
13. Cimetières de France et d'ailleurs. URL: <https://www.landrucimetieres.fr/spip/spip.php?article4104> (дата обращения: 24.11.2022).
14. Marevna Vorobieff, primera pintora cubista del mundo: compañera de Picasso, explica por qué éste no vuelve a su tierra, 1969 // Biblioteca Virtual de la Provincia de Málaga. URL: <https://bibliotecavirtual.malaga.es/i18n/consulta/registro.cmd?id=13508> (дата обращения: 22.12.2022).
15. Marevna // Anya Teixeira Personal Web Site. URL: <https://web.archive.org/web/20120301165137/http://www.anyateixeira.co.uk/page21/page21.html> (дата обращения 21.08.2022)
16. Marevna. Mémoires d'une nomade. Paris: Encre, 1979. 323 p.
17. Marevna. Paintings and works on paper 1915–1975. London: England & Co, 1989. 8 p.
18. Marevna's Studio at Athelhampton House. URL: <https://web.archive.org/web/20051210020029/http://www.athelhampton.co.uk/house-andgardens/marevnasstudio.htm> (дата обращения: 17.11.2022).
19. Mistry E. Marika Rivera Obituary // The Guardian. 14 March 2010. URL: <https://www.theguardian.com/theguardian/2010/mar/14/marika-rivera-obituary> (дата обращения 21.08.2022).
20. Pushkin House in London Official Web Site. URL: <https://www.pushkinhouse.org/about-us> (дата обращения: 10.11.2022).
21. The Studio Collection of Marie Vorobieff Marevna // Roseberys Fine Art Auctioneers & Valuers. URL: <https://auctions.roseberys.co.uk/m/view-auctions/catalog/id/368> (дата обращения 09.07.2022).
22. Vorobev M. Life in Two Worlds: A True Chronicle of the Origins of Montparnasse. London: Abelard-Schuman. 1962. 310 p.

References

- Cimetières de France et d'ailleurs (no date) [Online]. Available at: <https://www.landrucimetieres.fr/spip/spip.php?article4104> (accessed: 24.11.2022)
- Erenburg, I. G. (1990) *Liudi. Gody. Zhizn' [People. Years. Life]*. Vol. 1. Moscow: Sovetskii Pisatel' Publ. (in Russian)
- Erenburg, I. G. (2004) *Dai oglianut'sia. Pis'ma 1908–1930 [Let me Look Back. Letters 1908–1930]*. Moscow: Agra Publ. (in Russian)
- Erenburg, I. G. (2004) *Na tsokole istorii... Pis'ma 1931–1967 [At the Basement of History. Correspondence 1931–1967]*. Moscow: Agra Publ. (in Russian)
- Erenburg, I. (2006) *Ia slyshu vse...: pochta Il'i Erenburga, 1916–1967 [I Hear Everything...: Ilya Ehrenburg's Correspondence, 1916–1967]*. Moscow: Agra Publ. (in Russian)
- Frezinskii, B. Ia. (2013) *Ob Il'e Erenburge: knigi, liudi, strany [About Ilya Ehrenburg: Books, People, Countries]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (in Russian)
- Frezinskii, B. Ia. (2018–2019) 'Ehrenburg and His Inner Circle in the Light of Inscripts Given to IRLI', *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma [Yearbook of the Manuscript Department]*. (in Russian)
- Marevna Vorobieff, primera pintora cubista del mundo: compañera de Picasso, explica por qué éste no vuelve a su tierra, 1969 (no date) *Biblioteca Virtual de la Provincia de Málaga* [Online]. Available at: <https://bibliotecavirtual.malaga.es/i18n/consulta/registro.cmd?id=13508> (accessed: 22 December 2022). (in Spanish)
- Marevna (no date) *Anya Teixeira Personal Web Site* [Online]. Available at: <https://web.archive.org/web/20120301165137/http://www.anyateixeira.co.uk/page21/page21.html> (accessed: 21 August 2022).
- Marevna (1979) *Mémoires d'une nomade*. Paris: Encre. (in French)
- Marevna (1989) *Marevna. Paintings and Works on Paper 1915–1975*. London: England&Co.
- Marevna (2004) *Marevna: katalog vystavki. Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia galereia [Marevna: Exhibition Catalogue, the State Tretyakov Gallery]*. Moscow: Iskusstvo XXI vek Publ. (in Russian)
- Marevna's Studio at Athelhampton House (no date) [Online]. Available at: <https://web.archive.org/web/20051210020029/http://www.athelhampton.co.uk/houseandgardens/marevnasstudio.html> (accessed: 17 November 2022).
- Mistry, E. (2010) 'Marika Rivera Obituary', *The Guardian*, 14 March. Available at: <https://www.theguardian.com/theguardian/2010/mar/14/marika-rivera-obituary> (accessed: 21 August 2022).
- Popov, V. L., Frezinskii, B. Ia. (1993) *Il'ia Erenburg: Khronika zhizni i tvorchestva (v dokumentakh, pis'makh, vyskazyvaniiah i soobshcheniiakh pressy, svidetel'stvakh sovremennikov) [Ilya Ehrenburg. The Chronicle of Life and Work (Documents, Letters, Comments and Press Reports, and Testimonies of Contemporaries)]*. Moscow: Izdatel'skii otdel Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk Publ. (in Russian)
- Pushkin House (no date) [Online]. Available at: <https://www.pushkinhouse.org/about-us> (accessed: 10 November 2022).
- The Studio Collection of Marie Vorobieff Marevna (no date) *Roseberys Fine Art Auctioneers & Valuers* [Online]. Available at: <https://auctions.roseberys.co.uk/m/view-auctions/catalog/id/368> (accessed: 9 July 2022).
- Voloshin, M. A. (2011) *Sobranie sochinenii. T. 10. Pis'ma 1913–1917 [Collected Works. Vol. 10. Letters 1913–1917]*. Moscow: Ellis Lak Publ. (in Russian)
- Voloshin, M. A. (1990) *Putnik po vseennym [Traveller through Universes]*. Moscow: Sovetskaia Rossiia Publ. (in Russian)
- Vorobev, M. (1962) *Life in Two Worlds: A True Chronicle of the Origins of Montparnasse*. London: Abelard-Schuman.
- Vorob'eva-Stebel'skaia, M. B. (2004) *Moia zhizn' s khudozhnikami "Ul'ia" [Life with the Painters of La Ruche]*. Moscow: Iskusstvo — XXI vek Publ. (in Russian)
- Zubarev, D., Frezinskii, B. (1996) 'Letters from the Past. Ehrenburg, Savinkov, Voloshin in the Time of Troubles (1916–1918)', *Zvezda [Star]*, 2, pp. 157–202. (in Russian)

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Автор благодарит Елену Игоревну Балаховскую — преподавателя, переводчика с французского и итальянского языков за помощь в расшифровке и переводе писем Марики Риверы И. Г. Эренбургу.

² Свою мать Маревна не помнила. В своих мемуарах «Жизнь в двух мирах» она писала: «Возможно, моя мать была еврейской актрисой (Маревна использует слово “artist”, что чаще переводится как “художница”, но в литературе принято определять профессию Марии Розанович-Воробьевой как актриса, например [5, с. 10]. — К. Г.), принявшей христианство и вышедшей замуж за русского. Мой отец познакомился с моей настоящей матерью (на которой никогда не был женат) и ее мужем в Чебоксарах; я с рождения была православной. Результатом этой запутанной истории было то, что отец не смог дать мне свою фамилию, что было для него также важно, как и для меня; но он забрал меня с собой и женился на другой женщине, чтобы у меня была мать (перевод мой. — К. Г.)» [22, р. 59]. Интересно, что отец предлагал Маревне принять католичество, тогда он смог бы признать ее и удочерить. Тогда она стала бы наследницей [22]. Но Маревна отказалась, в мемуарах на французском мотивируя это тем, что не хотела менять вероисповедание ради наследства, отец мог бы перестать ее уважать, а Маревна хотела доказать свою безусловную любовь [18, р. 76].

³ В каталоге Государственной Третьяковской галереи [5] указан 1948 г., а в каталоге галереи «England & Co», в составлении которого помогала Марика Ривера, — 1949 г. [17, р. 8].

⁴ Определить год, до которого Маревна доводит повествование в «Жизни в двух мирах» проблематично. Книга заканчивается словами: «Марике было всего четырнадцать, а мне сторок три — в самом расцвете сил (перевод мой — К. Г.)». Тогда мать и дочь вернулись в Париж из Голландии (год поездки Маревна не указывает). В датах допущена ошибка, Маревне (род. в 1892 г., подтверждается мемуарами: [22, р. 3]) исполнилось 43 в 1935 г., в то время как Марике (род. в 1919 г., дата также есть в книге: [22, р. 139, 250]), в этом году было не 14, а 15–16 [22, р. 306]. Во французских мемуарах возраст изменен: «Марике только исполнилось четырнадцать... А мне было 45 лет...» [16, р. 322], что не исправило ошибку, напротив, увеличило временной разрыв.

⁵ В эпилоге художница в самых общих чертах обрисовала свою жизнь с 1936–1974 гг. [3, с. 251–260]. Хотя эти сведения очень ценны, их недостаточно, чтобы составить цельную картину о жизни художницы в Великобритании.

⁶ В триптих входят портреты, на которых изображены: 1) Д. Ривера, Маревна с дочерью Марикой, И. Эренбург, Х. Сутин, А. Модильяни, Ж. Эбютерн, М. Жакоб, М. Кислинг, Л. Зборовский (1962. Оргалит, масло. 160 x 305 см. Частное собрание); 2) Д. Ривера, И. Эренбург, П. Пикассо, М. Шагал, Ф. Леже (1960. Доска, масло. 160 x 305 см. Частное собрание); 3) М. Волошин, Х. Сутин, М. Горький, Маревна, И. Эренбург, О. Цадкин (1962. Оргалит, масло. 160 x 305 см. Музей Пти-Пале, Женева).. Название триптиха, годы создания, материалы даны согласно каталогу выставки в ГТГ, 2004 г. [5].

⁷ РГАЛИ указывает общее число писем. При изучении микрофильма с их содержанием для настоящего исследования это число было подтверждено, а письма пронумерованы: 1) письмо от 5 февраля 1950 г. (лист 2 на микрофильме РГАЛИ); 2) не датированное письмо на бланке «Галереи Соединенных Штатов» (Galerie des Etats-Unis) (лист 3); 3) письмо от 16 апреля 1960 г. (лист 4); 4) не датированное письмо (листы 5 и 6, возможно, к нему также относится обрывок листа 7); 5) не датированное письмо с рисунком (листы 8 и 9); 6) письмо от 23 декабря 1960 г. (листы 10 и 11); 7) письмо от 26 июня 1961 г. (листы 12 и 13); 8) письмо от 15 октября 1961 г. (листы 15 и 16); 9) обрывок листа (лист 17); 10) не датированное письмо из Ленинграда (лист 18); 11) письмо от 4 января 1962 г. (листы 19 и 20); 12) письмо от 24 мая 1964 г. (лист 23).

⁸ Маревна неоднократно писала И. Г. Эренбургу о фотографиях ее работ [Письма 13, 15, 17].

⁹ На обратной стороне Маревна написала на французском: «Маревна Парижские друзья 1914·15 ·16 ·17 ·18 ·19 написано (дословно «сделано». — К. Г.) в 1961 Илинг Ф. Леже Шагал. Пикассо. И. Эренбург. Д. Ривера».

¹⁰ Предисловие (фр.).

¹¹ О встрече Маревна писала как в первой книге «Life in two worlds», так и во второй «Моя жизнь с художниками “Улья”». Второе описание более подробно: «Когда в 1960 году в Лондоне я увиделась с Ильей Эренбургом, мне отчетливо припомнились те давние дни в Париже. Мы виделись трижды. Каждый раз по приезде в Лондон он звонил мне в Илинг и уделял мне один час, не более. В последний раз Марика ходила вместе со мной, чтобы посмотреть на него. Илья прочел несколько страниц из своей книги, которая должна была вскоре выйти, и спросил мое мнение о том, что он написал о Монпарнасе и его художниках, о Ривере и обо мне самой. Его описание меня рассмешило, все звучало как-то очень по-детски. Он сказал, что мы с Риверой были очень похожи: оба ребячливы, полны энтузиазма, любознательны, веселы, но очень вспыльчивы. Эренбург страшно боялся Диего и его мексиканской трости, он прозвал его “добродушным людоедом”. Меня он называл “фокстерьером”, потому что я любила бегать, прыгать и танцевать, была игривой и кусачей. Когда он узнал, что я тоже пишу воспоминания, он сказал: — Маревна, будь милосердна, не пиши обо всем в черном цвете.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, Илья, — ответила я. — Я пишу откровенно и пользуюсь всеми красками, так же как в живописи. Я не выбираю черный, розовый или голубой — пишу, как вижу и как чувствую.

Еще Илья спросил, что я думаю об англичанах. Мы с Марикой рассказали ему немножко о нашей жизни, и он рассмеялся; бедняга, он не часто улыбался, уже тогда у него было плохо с сердцем. Но он не слишком изменился за эти годы. Обрамлявшие лицо седые волосы облагораживали его облик, но умный, ироничный взгляд и скептическая улыбка, вызывали желание возразить, как я это часто делала когда-то. Час, который мы провели вместе, пробежал слишком быстро. Я хотела его расспросить о многих вещах: о его жизни, о Советской России, о его последней встрече с Риверой. Странно, но большую часть времени мы проговорили о собаках, которых Эренбург всегда любил» [3, с. 259–260].

Об этой встрече в своих воспоминаниях написал и И. Г. Эренбург: «Недавно я встретил в Лондоне Маревну, она рисует, лепит, пишет мемуары, хотя смутно помнит прошлое. Марика очень похожа на Диего; она актриса, внешность у нее мексиканская, родной язык французский, была замужем за англичанином и любит говорить, что она наполовину русская» [7, с. 200].

¹² Речь о жене Риверы мексиканской писательнице Гуадалупе Марин Пресьядо (1895–1983) и одной из их дочерей — Гуадалупе Ривере Марин (род. 1924) или Рут Ривере Марин (1927–1969).

¹³ «Начиная с 1942 года он оставлял у себя копии некоторых своих ответов корреспондентам; с 1954 года — копии *большинства* (исключения составляли письма, написанные им близким друзьям» [9, с. 12].

¹⁴ Судя по последнему письму Маревне Эренбургу, он обещал подруге «похлопотать об этом» [Письмо 17].

¹⁵ Пушкинский дом — русский культурный центр в Лондоне, учрежден в 1954 г. [20]. В 1958 г. в Пушкинском доме состоялась выставка Маревны.

¹⁶ В письмах и мемуарах Маревна не указала фамилию сестры. Упоминание о ней есть в книге «Моя жизнь с художниками “Улья”»: «Знаю только то, что когда я была совсем маленькой, она (мать. — К. Г.) ушла, а меня оставила отцу, потому что была очень бедна. Сестру, на три года старше, она забрала с собой, мой брат, хилый и болезненный ребенок, умер во младенчестве» [3, с. 15]. Вероятно, эти подробности Маревна узнала от сестры.

¹⁷ О том что Б. В. Стебельской — приемный отец Маревны, говорила сестра Нина [письмо 13]. Также Маревна писала, что об этом

в пренебрежительном тоне ей сообщила Елена Кирилловна Головашкина, хозяйка квартиры, которую отец Маревны снимал в Тифлисе [22, р. 59].

¹⁸ Жан Диего Брюссе, первенец Марики Риверы от брака с французским художником Жаном Полем Брюссе (1909–1985), родился 5.12.1941 г., согласно его надгробию на Протестантском кладбище города Нима [13]. Значит, 4,5 года ему исполнилось летом 1946 г. Эренбург был во Франции дважды в 1946 г. — «на пути из Москвы в Америку и по возвращении оттуда» [10, с. 718]. Писатель отправился в Америку через Францию в апреле [10, с. 873–874]. Маревна жила на юге Франции с 1936 г. Она вспоминала, что когда Марика с мужем Жаном Брюссе находились в Тунисе, выступая с концертами для Французского комитета национального освобождения, она забрала годовалого внука себе в Канны [3, с. 251–252].

¹⁹ *Récital* — концерт/выступление (*фр.*). Марика сначала работала танцовщицей, затем стала актрисой.

²⁰ Впервые опубликовано в [12, с. 254–255]. Маревна вспоминала, что в Кань-сюр-Мер она прожила два года. Марика сняла ей там мастерскую в 1945 г. [3, с. 252]. Возможно, в 1950 г. Маревна приехала во Францию из Англии

²¹ Второе имя Дэвида Филиппса, сына Марики Ривера и издателя Родни Филиппса (1949–2016), — Ellie (Элли). Маревна в письмах И. Г. Эренбургу зовет внука Илья.

²² Ближайшая по дате выставка — в Lefevre Gallery в октябре 1951 г. Ее каталог Маревна отправила И. Г. Эренбургу с дарственной надписью: «для Ильи Эренбурга с (1 слв отсутствует. — К. Г.) Маревна» [15, с. 810]. В каталоге ГТГ ошибочно указано, что выставка была в 1952 г. [5, с. 37].

²³ Скорее всего, речь о Максиме Горьком.

²⁴ Местонахождение глиняных скульптур неизвестно. Известна маска Диего Риверы, выполненная Маревной из бронзы (Не датирована. Частное собрание).

²⁵ Скорее всего, речь идет о мемуарах Маревны «Life in two worlds: A True Chronicle of the Origins of Montparnasse», изданных только в 1962 г.

²⁶ Родни Филиппс (1949–2016) — издатель, второй муж Марики.

²⁷ Л. М. Козинцева-Эренбург (1900–1970) — советская художница, вторая жена И. Г. Эренбурга.

²⁸ Так Маревна называла дочь И. Г. Эренбурга и Е. О. Шмидт Ирину Ильиничну Эренбург [22, р. 177].

²⁹ Луи в Эзе, выпьем за здоровье, сколько воспоминаний! (*фр.*) В мемуарах Маревна не упоминала человека с именем Луи. Но в письме [8] она упомянула некоего Luris Resgroу.

³⁰ Впервые опубликовано в [12, с. 393–395]. Письма 4 и 5 в микрофильме РГАЛИ представлены в очередности первое — письмо 4 (датировано), второе — письмо 5 (не датировано). Конверты от них не сохранились. Они написаны на схожих листах, из их содержания мы понимаем, что они очень близки к друг другу по времени. Но создается впечатление, что первым было отправлено именно письмо 5 (см. сноску 58). Еще один аргумент в пользу такой очередности — в письме 4 в строчке об автобусе, Маревна пишет, что уже просила Эренбурга устроить ее путешествие — речь может быть как раз о просьбе из письма 5.

³¹ Я очень надеюсь, что ты мне чудесным образом организуешь выставку в Москве (*фр.*).

³² Своего внука Жана Диего Брюссе (1942–2017) Маревна называла Иваном.

³³ Марика посещала школу актерского мастерства [6].

³⁴ Excellent — превосходно (*фр.*).

³⁵ Zéro — ноль (*фр.*).

³⁶ Макс Жакоб (1876–1944) — французский поэт и художник, друг Маревны и Эренбурга. Глава 24 о нем в воспоминаниях Маревны [22, р. 290–294]. Неизвестно, какие другие две главы были добавлены позднее.

³⁷ В издании, подготовленном Б. Я. Фрезинским, это место расшифровано как «Ты забыл, милый, когда ты мне сказал — ну вот “попросишь — я и напишу”» и в сноске указано, что «речь идет о предисловии к мемуарам Маревны; ее книга вышла с предисловием скульптора О. Цадкина» [12, с. 395].

Однако написание слова скорее похоже на «попросили», также Маревна однозначно написала «пишу», а не «напишу». Тогда смысл меняется и, возможно, речь шла о «Люди. Годы. Жизнь», о том, что кто-то попросил Эренбурга написать его воспоминания. В следующем письме Маревна как раз задает вопрос, кто заказал книгу // сноски 59. Письмо [5] не датировано. Так как в нем Маревна пишет о встрече с Эренбургом, написано оно в 1960 г., возможно, до письма [4]. В таком случае, словами «ты забыл, милый, когда ты мне сказал...» она отсылает к вопросу из письма [5]: «Я бы очень хотела знать — кто тебе заказал книгу...»

³⁸ СССР (*фр.*).

³⁹ А. Г. Твардовский (1910–1971) — советский писатель, поэт и прозаик, журналист, специальный корреспондент.

⁴⁰ Серж Лифарь (1905–1986) — французский артист балета, балетмейстер, теоретик танца, коллекционер и библиофил, эмигрант из Советской России.

⁴¹ Видимо, gentil — милый, добрый (*фр.*).

⁴² Фрустрированной отцом (*фр.*).

⁴³ Маревна имеет ввиду автобиографию И. Эренбурга в последующем получившую название «Люди. Годы. Жизнь». Видимо, это продолжение ее мысли: «Ты забыл, милый, когда ты мне сказал — ну вот “Попросили — я и пишу!”»

⁴⁴ Скорее всего, имеется ввиду elle est culottée — она дерзкая (*фр.*).

⁴⁵ Éditeur — издатель (*фр.*).

⁴⁶ Пабло Пикассо (1881–1973) — испанский и французский художник.

⁴⁷ Рукопись (*фр.*).

⁴⁸ Жизненно важный (*фр.*).

⁴⁹ Рисковать (*фр.*).

⁵⁰ Ennemi — враг, противник (*фр.*).

Одна выставка в 1951 г. в галерее Lefevre, Лондон, вторая — в 1958 г. в Пушкинском доме, Лондон (не упомянута в каталоге ГТГ)

⁵¹ Предисловие (*фр.*).

⁵² Индивидуальность (*фр.*).

⁵³ Канны (*фр.*). Вероятно, именно к этому периоду относится [Письмо 1] из Канн.

⁵⁴ Предисловие Эренбурга для Маревны, это будет великолепно (*фр.*).

⁵⁵ Здесь начинается новый лист. Возможно, это продолжение письма.

⁵⁶ Гилберт Мэйр, писатель, друг Маревны. Его она упоминает в мемуарах, как и Фонтенуа [22, р. 294].

⁵⁷ Имени Фонтенуа Маревна не упоминает в мемуарах [22, р. 288, 294, 298–301]. Однако вероятнее всего она имела ввиду Жана Фонтенуа (1899–1945) — журналиста и писателя.

⁵⁸ На Авеню-дю-Мен Маревна снимала комнату в отеле [22, р. 296].

⁵⁹ Маревна снимала комнату в санатории на улице Сен-Жак (rue Saint-Jacques) [22, р. 237].

⁶⁰ Об этом случае с доктором Мадефом Маревна пишет в мемуарах [22, р. 273].

⁶¹ Ночных клубах (*фр.*).

⁶² У Зборовского (*фр.*). Леопольд Зборовский (1889–1932) — французский меценат, торговец картинами, коллекционер, поэт.

⁶³ В мемуарах Маревна упоминала доктора Фора (Dr. Faure), друга Диего Риверы [22, р. 182]. Это Жак Эли Фор (1873–1937) — писатель, историк искусства, врач.

⁶⁴ В Голландию Маревну и Марику пригласила семья Бендъен через ее друга, голландского художника Боттему [22, р. 303].

⁶⁵ Возможно, Маревна имела ввиду rue Decrès [22, р. 185].

⁶⁶ Ателье (*фр.*).

⁶⁷ Натан Альтман (1889–1970) — русский и советский художник, скульптор еврейского происхождения.

⁶⁸ Стабильность (*фр.*).

⁶⁹ Об этом Маревна будет писать и дальше [Письмо 13].

⁷⁰ Осип Цадкин (1888–1967) — скульптор, художник, написал предисловие к книге Маревны «Life in two worlds».

⁷¹ Модернистских (*фр.*).

⁷² Пуантелистическая (*фр.*).

⁷³ Маревна, скорее всего, имела ввиду портреты художников, по-французски les artistes.

⁷⁴ Это забавно (*фр.*).

⁷⁵ Данная часть написана на оторванном листе. Неизвестно, является ли оно продолжением этого большого письма.

⁷⁶ Про жизнь в Эз-сюр-Мер Маревна писала в своих мемуарах [22, р. 175–178]. Про Эз-сюр-Мер также вспоминал И. Г. Эренбург [7, с. 193] и его дочь И. И. Эренбург: «Eze — деревушка на горе под Ниццей (в Ниццу оттуда ходил трамвай). Двухэтажный дом. В нем коммуной жили человек десять. Взрослые не входили в мой мир, помню их слабо. Запомнилась Маревна — суматошная, всегда в ярких одеждах» [6, с. 106].

⁷⁷ О том, что это новое письмо, можно судить по иному формату листа, нежели в предыдущих письмах. Письмо содержит рисунок Маревны, иллюстрирующий описываемую ей забавную историю — вызова нечистой силы. Маревна стоит на холме, к ней ластится гигантский кот в половину ее роста, по склону холма сбегает внук. На заднем плане Маревна изображает город: невысокие домики и заводские трубы, в небе — полная луна.

⁷⁸ ...и мне спасти жизнь, вкус к жизни и работе, наконец. Я не виновата в том, что со мной происходит — разумеется! Я уверена, что твоя книга будет блестящей — но я — я расставляю точки над «i» — и можно также много смеяться (или: мы сможем также много смеяться!) (*фр.*)

⁷⁹ После указания даты и места, из которого направлено письмо Маревна в скобках указывает не совсем разборчиво, но вероятно: «в [кровати]», видимо, подчеркивая, что она больна.

⁸⁰ Сын Диего Риверы и его жены художницы А. П. Беловой (1879–1969), родился в 1915 г., умер в младенчестве.

⁸¹ Жанна Леже (?–1950), жена художника Фернана Леже (1881–1955).

⁸² И (*фр.*).

⁸³ Шанталь Кенвиль (1897–1969) — французская художница, подруга Жанны Эбютерн, возлюбленной А. Модильяни.

⁸⁴ В воспоминаниях Маревна писала, что Л. Зборовский сказал ей подписывать работы «Стебель», если она хотела работать с ним (тот был торговцем картин), но она отказалась [22, р. 161].

⁸⁵ Сборник стихов И. Г. Эренбурга 1916 г., обложку к которому оформляла Маревна.

⁸⁶ Rue Asseline.

⁸⁷ L'Humanité («Человечество») — ежедневная коммунистическая газета во Франции.

⁸⁸ Речь о части триптиха «Друзьям с Монпарнаса посвящается», на которой изображены Д. Ривера, И. Эренбург, П. Пикассо, М. Шагал, Ф. Леже. 1960. Доска, масло. 160 × 305 см. Частное собрание [5] (Илл. 2).

⁸⁹ Если Маревна пишет «другие друзья», она, скорее всего, имеет ввиду часть триптиха с Горьким посередине (М. Волошин, Х. Сутин, М. Горький, Маревна, И. Эренбург, О. Цадкин. 1962. Оргалит, масло. 160 × 305 см. Музей Пти-Пале, Женева [5]), так как на третьей части триптиха есть Пикассо и Ривера, и про него Маревна, вероятно, не написала бы, что изобразила «других друзей». Кроме того, в иллюстрациях к ее первой автобиографии приведены две указанные выше картины.

⁹⁰ Информации о выставке в начале 1960-х не содержится в каталогах ГТГ и Lefevre Gallery, возможно, она не состоялась [5, с. 37; 17, р. 8].

⁹¹ К сожалению, данный набросок с изображением домашних животных Маревны не был найден в РГАЛИ.

⁹² До Илинга Маревна жила с дочерью и ее вторым мужем в Дорсете, в Ателхемптон-хаусе.

⁹³ Письмо написано на бланке с надписью «27 BLAKESLEY AVENUE LONDON, W.5. Tel. PERIVALE 7093». Это адрес, по которому художница проживала в Лондоне. Его же содержит англоязычный каталог работ Маревны (напечатанный не ранее 1966 г., судя по датировке работ), размещенный на официальном сайте ее подруги, эмигрантки из Российской империи Ани Тейшейры (1913–1992) [15].

⁹⁴ Avion — самолет (*фр.*).

⁹⁵ Цугухара Фужита, также Леонар Фужита (1886–1968) — французский художник японского происхождения.

⁹⁶ В это время Фужита был женат на Кимие Фужите (1911–2009).

⁹⁷ Портрет сохранился, экспонировался на персональной выставке Маревны в Пти-Пале, Женева, в 1971 г.

⁹⁸ Симон Мондзен или Шамай Мондшайн (1887/1888–1979) — французский художник еврейского происхождения, выходец из Польши.

⁹⁹ На Рю-де-Депар находилась студия Диего Риверы, где он жил с А. Беловой. Когда Ривера состоял в отношениях с Маревной, он жил на два дома [22, р. 192, 204].

¹⁰⁰ Фр. вокзал Монпарнас

¹⁰¹ Интеллектуалов (*фр.*).

¹⁰² Амедео Модильяни (1884–1902) — итальянский художник и скульптор.

¹⁰³ Андре Делаэ — французский журналист.

¹⁰⁴ Галерею (*фр.*).

¹⁰⁵ Анна Зборовска (1885–1978) — галерист, писатель, супруга Л. Зборовского. Написала мемуары «Модильяни и Зборовский».

¹⁰⁶ Стройка (*фр.*).

¹⁰⁷ В письмах Эренбургу Маревна не называет имени этого человека.

¹⁰⁸ Речь может идти как о портрете Пабло Пикассо 1956 г. Холст, масло. 66 × 51 см. Музей Пти-Пале, Женева [5], так о менее известном портрете 1951(? дата нрзбрчв. — К. Г.) г. Информация о нем содержится в статье из газеты Малаги [14], где Маревна провела год за занятиями живописью [17, р. 8].

¹⁰⁹ Существуют два карандашных наброска к портрету И. Эренбурга [21, лот 46]. В дальнейшем Маревна использовала их для создания ряда более проработанных графических портретов [21, первый рисунок лота 46], а также живописного портрета (1966 г.

Доска, масло. 92 × 76 см. Частное собрание [5] (Илл. 3). Какой именно рисунок Маревна выставила в Брайтоне, пока выяснить не представляется возможным — упоминаний об этой выставке нет в каталогах ГТГ и England&Co.

¹¹⁰ Ф. А. Малявин (1869–1940) — русский художник.

¹¹¹ М. В. Добужинский (1875–1957) — русский и литовский художник.

¹¹² Л. С. Бакст (1866–1924) — русский художник еврейского происхождения.

¹¹³ М. Ф. Ларионов (1881–1964), Н. С. Гончарова (1881–1962) — русские художники, супруги. Все упомянутые в абзаце художники эмигрировали во Францию.

¹¹⁴ Фернан Леже (1881–1955) — французский художник.

¹¹⁵ М. З. Шагал (1887–1985) — русский и французский художник еврейского происхождения.

¹¹⁶ Письмо напечатано на бланке A S Publishers, на английском языке:

«Dear Monsieur Ehrenburg,

MAREVNA VOROBEFF — LIFE IN TWO WORLDS

We are to publish the autobiography of your friend Marevna Vorobeff, in England and America, next year. This fascinating book describes the period of Montparnasse when you and the author were acquainted.

We are most anxious to illustrate the book with photos and portraits that evoke the time and the community which she describes. Have you by any chance in your possession any photos or drawings from these years? We should particularly like something like a picture of yourself and your wife, if you still have one. We should of course be extremely careful with anything you could lend us, and such illustrations would enrich the book's value greatly.

Yours truly,
Mark Cohen».

Monsieur Ilia Ehrenburg,
Union of Soviet Writers,
Moscow,
USSR

¹¹⁷ Кафе «Ротонда» — место встречи творческих людей Монпарнаса времен Парижской школы. Эренбург как минимум один раз рисовал это кафе. Так, в одном из его писем революционеру, эсеру Б. В. Савинкову помещен рисунок «Типичная сценка в “Ротонде”» [8, с. 74].

¹¹⁸ Excité — взволнована (фр.).

¹¹⁹ Еще раз отметим, что в РГАЛИ хранятся две фотографии с работ Маревны: часть триптиха, на которой изображены Ривера, Эренбург, Пикассо и Леже, и автопортрет Маревны, подписанный и датированный 1960 г. Возможно, она отправила снимки 4 января 1962 г., о чем писала в письме 13. Или же их передал Эренбургу Г. М. Козинцев, так как Маревна передала тому коробку с фотографиями своих работ [Письмо 15].

¹²⁰ Значит, первое письмо Марики Риверы И. Г. Эренбургу было написано 4/5 октября 1961 г.

¹²¹ Television — телевидение (фр.).

¹²² И настойчивости (фр.).

¹²³ М. И. Будберг (1892–1974) — гражданская жена М. Горького.

¹²⁴ Вышеупомянутая выставка 1958 г. в Пушкинском доме.

¹²⁵ Письма написаны на французском языке, перевод мой. — К. Г. Расшифровки писем Марики на языке оригинала, как и в случае писем Маревны, приводятся ниже с сохранением авторских орфографии и синтаксиса:

«Cette lettre est comme je suis et comme je sens une mauvaise littérature peut-être mais sincere. Me[t]s ton scepticisme dans la poche et répond moi vite.

Elya Cheri, Douchka ma. Avant tout je tiens a te dire combien j'ai a[i]m[é] ton livre. C'est un grand livre. Comme toi. Comme je suis fiere et humble profondément touché de lire mon petit nom dans ton grand livre ci [правильно — si — К. Г.] human et quand parmi tous les nom de tes amis les grand les petits je retrouve le nom de ma mère mon père. le petit morceau de glace qui c'était glisser dans mon coeur cest fondu et mon coeur brule et bas vite et je devien une boule de feu cherchant ma plsee dans un monde refroidissant — et je t'aime oui a la Russe!

— Пля tu m'as donner plus que personne ne m'a jamais donner. le sentiment de gratitude d'avoir un ami un vrai ami — le sentiment sauvage d'être reconnu parceque toi l'espoir l'esprit véritable d'une seule possible societé m'a présente la fille de Marevna et Diego, et que maintenant les choses deviennent plus facile pour moi d un coté. Quoique beaucoup de jalouses féminines Je n'ai jamais recherch[er] personne maintenant on me recherche! et c'est a moi de sourire. J'avais tant soif d'amitié — soif de beau jest ta poesie est plein d'amitie et ton livre de poèmes est prêt de mon lit Marevna me les apprend. En lisant ton livre je me suis sent[i] renaître. une grande lumiere est dessendu en moi, le courage c'est renforcer et l'espoir de vivre une vie nouvelle un [jour] prochain. De mériter cette vie, de travailler pour aider les autres a vivre. C'est dur de ce trouver on sais même tu m'as aider.

— Avant tout il me faut rendre maman heureuse et la sortir de l'ombre. Je lutte désesperemen[t] pour que ce livre paraisse avec le maximum de chance. C'est dur. Car Marevna n'est ni toi ni P. Picasso et c'est par cela que les illustrations sont si utiles. La couverture cet un dessin, un portrait de maman que Pablo a fait d'elle il y a quelque année. Si le line est au succe il publiron un deuxieme volume — car celui-ci pour raison d'économi ait réduit a 1926 — et il y a ans de materiel pour elire un deuxieme — le livre a toute les chance dans son genre enfantin fraicheur naive et colorée ou rien n'est sordide et facile — tu as promis au telephon de donner a maman un dessin en gouache. Je t'en prie Elya.

Je t'en prie Elya. Je t'en supplie. aide moi envoi ce dessin maintenant. le temps presse et tout a coup tout le monde commenc[e] écrire sur Gorki sur Montpar[nasse]. J'ai hâte de voir le livre publié. Ton appui est énorme. Tu le sais. Comment pourrais je te remercie[r] out e redonner la valeur de ce que tu fais? seulement de te dire et de demander de me croire — tu peux me demander quelque année de ma vie ce n'est pas grand chose mais c'est spontanéé, je te les donne

Je t'embrasse et j'espère te lire très bientôt. J'espère de te voir — la prochaine fois que tu sera là.

ton amie
Marika Rivera

P.S. J'ai un jeune chien insupportable mais sympathique un jeune Fox terrier il de[truit] tout et fait des trous partout!

Mais il est plein de vie. Je regrette mon vieux scotch»

¹²⁶ Видимо, Марика, как и Маревна, имела ввиду Гуадалупе Марин и ее дочь. Составитель некролога Марики писала, что Марин и две ее дочери отвергли Марику [19].

¹²⁷ Эта дата не верна. Книга заканчивается словами «... мне было сорок три», значит, речь о 1930-х гг., об ошибке в указании возраста Маревны см. прим. 4 [22, р. 306].

¹²⁸ Чилли, скотчтерьер Маревны и Марики, о котором также писала Эренбургу Маревна [Письма 7, 8].

¹²⁹ Впервые [13, р. 508–509].

¹³⁰ Фотография, присланная Эренбургом вошла в книгу Маревны [18, р. 182]. Маревна сделала набросок (Бумага, карандаш. 20 × 14 см. Частное собрание) по этой фотографии, который, таким образом, можно датировать 1962 г. или позднее.

¹³¹ Письмо написано на бланке с адресом 27 BLAKESLEY AVENUE LONDON, W.5. Tel. PERIVALE 7093.

¹³² Данного письма с благодарностью в РГАЛИ найдено не было.

¹³³ Маревна здесь могла писать как про часть триптиха с Горьким, так и про часть с Модильяни посередине, так как на обеих она изобразила Эренбурга молодым. С точностью определить, какое из двух изображений Эренбурга Маревна считала менее похожей на его фотографию, затруднительно.

¹³⁴ В РГАЛИ, по всей видимости, хранится именно эта присланная Маревной фотография.

¹³⁵ Маревна дословно перевела на русский французское словосочетание "tourner un film" — снимать фильм.

¹³⁶ Книга дошла до Эренбурга. В ИРЛИ РАН в Санкт-Петербурге хранится его экземпляр с автографом Маревны «13 V/ 1962. Дорогому Илье Эренбургу на память о прошлом, с искренней дружбой любящая тебя — Маревна» [11, с. 810].

¹³⁷ Издатель (фр.).

¹³⁸ Ройал-Фестивал-холл — концертный зал в Лондоне.

¹³⁹ Tamise — Темза (фр.).

¹⁴⁰ Девять дней одного года. 1962 г., СССР, реж. М. И. Ромм.

¹⁴¹ По всей видимости Маревна имела ввиду советского актера театра и кино И. М. Смоктуновского (1925–1994), сыгравшего роль Гамлета в одноименном фильме 1964 г., реж. Г. М. Козинцев. В «Девяти днях одного года» он сыграл Илью Куликова.

¹⁴² Гамлет. 1964 г., СССР, реж. Г. М. Козинцев.

¹⁴³ Музыку к фильму сочинил Д. Д. Шостакович.

¹⁴⁴ Трогательный и очаровательный (фр.).

¹⁴⁵ Г. М. Козинцев (1905–1973) — советский режиссер театра и кино, сценарист, педагог, брат Л. М. Козинцевой-Эренбург, второй жены И. Э. Эренбурга.

¹⁴⁶ Дорого (фр.). Возможно, речь о том, что билеты в первых рядах были дорогими.

¹⁴⁷ Твоему «шурину» (фр.).

¹⁴⁸ Встречу (фр.).

¹⁴⁹ Н. К. Черкасов (1903–1966) — советский актер театра и кино.

¹⁵⁰

«Cher, Cher Iliа, mon vieil ami aimer,

Voila le temp qui cour come le veut dans

l'espace. et moi qui ne suis pas encore venu là car mon coeur est constament.

J'ai été malade et j'ai subi une opération qui m'a laisser très fatigué. Maman a été malade aussi, elle est encore couché mais écri[t] et elle est intellectuellement très active

Moi je n'ai rien fait de grand; je me suis décourager bien des [fois]. Car c'est terriblement difficile de briser la clique des gens [de] theatre et de pénétrer, d'être accepter surtout si tu est sensible. Ici on n'aime pas l'âme, on vie encore come aux temps de Hoggard! et si tu n'est pas aussi cruel, aussi hipocrite, et aussi bestial tu n'arive nul par ou avec des grande difficultés mantal. Mais je ne veux pas me decourager. Le malheur est que j'aurais du être née non à Paris aux sons des tambours et fanfare de l'amnistiee mais dans ton pay ton grand beau pay. Comme je t'admire et come je t'aime. Come Louba ta femme, et ta chère fille [ont] de la chance de t'avoir. et comme je cherche a sentir votre union et votre vie pour supporter la miene.

La seule chose qui me permet de vivre c'est que je me tourne completement ver vos efforts et votre achevements, et je tache [1 слв зачеркнуто] d'apprendre des russes, dans leur esprit leur artistry et dans cette magnifique art de savoir vivre pour le vrai socialisme, le protéger, le maintenir et le faire grandir - pour la paix, pour le bonheur de l'homme sur cette terre qui souffre de tant de brutalité de l'incomprehension et des petite querre misérable. Je veux grandir et aider, je veux savoir aider.

Cher Ilya, ton beau frere Kozintsev a fait un film remarquable, je ne l'ais vu [1 слв нрзбрчв] que pour quelque minute c'est un homme très [interessant] il ressemble a Louba ta femme sauf que Louba et très belle, lui c'est ces yeux qui brule de la flame des musicien et des poètes. Il m'a promis de me voir a son retour a Londre. J'espère qu'il tiendra promesse de lui de ne pas oublier. Je suis très seule ici dans cette mer de gens qui ce dévorent. j'essaye de comprendre. Ou est l'amitié? Ou est l'amour?

J'au vu un film odieu Tom Jones avec toute la brillance d'exécution, mais l'extérieur n'est pas tous. Il y a autre chose que le sexe que le materialisme dévorant.

J'etai avec J. Zavistky qui a été aussi dégouter des cette orgis de sang de brutality les actors merveilleux perdent leur temps a interpreter des caracteres répugnant et vile pour qui la nourriture et celle des cochons.

Je suis aussi très decourager de voir que la derniere biographie de Diego a été écrite par une femme qui a evidament - [influencé] on a été influence par toute ces femelles jalouse et devorantes, et que Diego a préférer dire des sotises[sottises], ce contredisent, et ne disent pas on

rien de la verité. 2 ans avant sa mort, il m'a telephoner et demander de le rejoindre après la mort de Frida, il ne di[s] rien de cela. Son premier mot a été ou est Marevna? J'ai des temoins ma femme de menage a pris le telephone ensuite les lettres qu'il a recu de moi n'on jamais été des lettre larmoyante. C'étaient des lettre d'engueulade si je ne lui est rien demander c'est que mon am[our] le respecter au point de lutter et de souffrir sans lui montrer.

Je voulais (peut etre j'ai en tort) l[ui] prouver que une fille peut vivre comme un homme et bien, j'aurais du y aller on peut être, non, c'est mieux comme cela. Marevna m'a intoxiqué avec les louange l'image glorieuse de Diego cet Amour aveugle et fidele pour cet homme m'a empoisoner ma vie. Maintenant qu'il est mort mon coeur fond et je le sent ce glisser de plus en plus dans mon corp. Mais mon respect va ver toi, mon admiration va ver toi. Et ton visage illumine, ta lutte pour la paix pour les tiens ne t'empêche pas d'être un homme un homme qui donne, qui est genereux juste. Quel[qu'un] a de la chance de t'avoir.

— Je t'en prie Ilia garde moi ton affection. Je me sens perdu dans cette jungle [ces] mensonges toi est ton pay sont tous ce qui me restent.

Ecris moi une petite lettre que je puisse lire quand j'ai besoin d'une bonne tape sur l'épaule J'spere trouver les moyens de payer mon voyage a Moscou. Mais écris moi, dis moi que tu es toujours mon vieil ami. Maman [t'envoie] ces [ses] grande amitie a toi et Louba.

Exuse moi su je suis un peu triste

ton amie de toujours

Marika»

¹⁵¹ Вероятно речь про самого Риверу и соавтора его биографии «Моя жизнь. Мое искусство» (1963 г.) Глэдис Марч.

¹⁵² Письмо впервые опубликовано в [8, с. 652–653].

¹⁵³ Если речь шла об индивидуальном живописном портрете молодого Эренбурга, то его местонахождение неизвестно. Известен рисунок с упомянутый выше фотографии, присланной им Маревне: Не датирован. Бумага, карандаш. 20 × 14 см. Частное собрание [21, лот 44] (Илл. 4) Также известен графический портрет Эренбурга: подписанный: 1921 г., Париж. Бумага, черная тушь, карандаш, уголь. 40 × 29 см [21, лот 45] (Илл. 5). Хотя рисунок и подписан 1921 г., он очень похож на графический портрет Эренбурга, выполненный Пабло Пикассо в 1948 г. (Частное собрание).

¹⁵⁴ Портрет Ильи Эренбурга. 1966. Доска, масло. 92 × 76 см. Частное собрание [5].

¹⁵⁵ Е. О. Сорокина (Шмидт) (1889–1977) — первая жена И. Эренбурга.